

Искорка

12

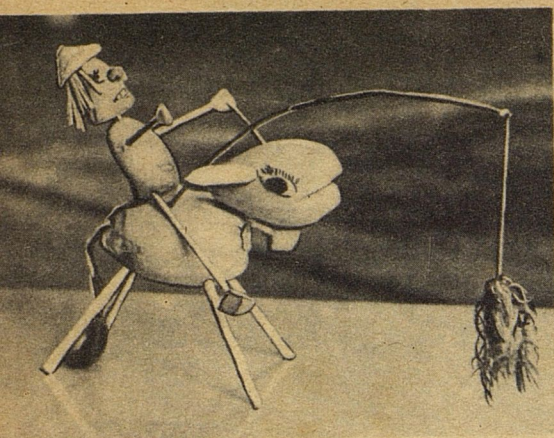
САРАТОВ 43.56

ЯЕЛОЧКОВА 2

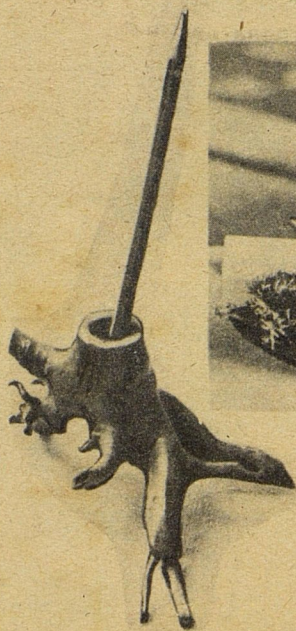
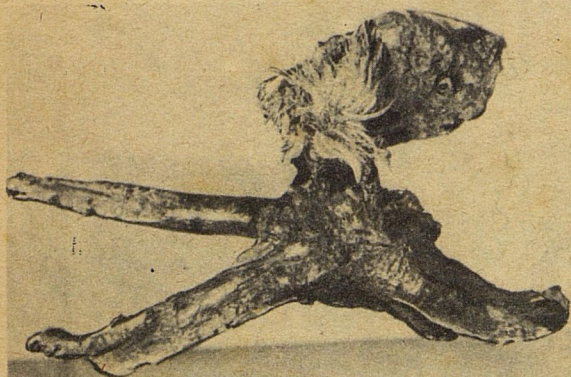
ДЕТС. Г. ИЕ ИМ. ПУШКИНА

112 ИСК. 6

С Чувашский
З.А.И.

ДЕКАБРЬ

1968

год издания XII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газет
«Ленинские
искры» —
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Н. СЛЕПАКОВА

Таинственный час

Нарядная ёлка
сверкала в углу.
Нарядные гости
садились к столу.
А мне говорили:
— Ложиться пора.
Твой Новый год
наступает с утра!

Наутро я злился
и чуть не ревел.
Во двор выбегал я
искать перемен, —
но был на дворе
прошлогодний мороз

и снег на коре
прошлогодних берёз.
Трава не росла,
не жужжала пчела,
а лыжи скрипели —
совсем как вчера.

Ну хватит! Довольно!
Я в этом году
ровно в двенадцать
к воротам пойду,
и встречу я этот
таинственный час,
который проспал я
одиннадцать раз!
Мне разом покажет
мой будущий год
всё, что в нём вскоре
произойдёт.

Увижу — мгновенно
растопится снег.

Берёза потянется,
как человек.

Весёлое солнце
прикатится в класс,
чтоб только

потрогать

затылки у нас!

Я сам,
полотенце в руках
теребя,
на речку протопая
мимо себя.

Подрос, загорел...
Это я — или нет?

И
я удивлённо
взгляну себе вслед,
и ветер плеснёт
занавеской в окне,
и сразу двенадцать
исполнится мне!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

ЕСТЬ у журнала «Искорка» хороший друг — писатель Леонтий Осипович Раковский. Вы, очевидно, знаете его книги: «Генералиссимус Суворов», «Адмирал Ушаков», «Кутузов», «Михаил Тухачевский». Леонтий Осипович — большой мастер исторического романа. Но каждый год (а иногда и чаще) писатель приходит в «Искорку» и приносит новый рассказ. Для детей.

Однажды мы спросили писателя:

— Когда вы написали свой первый рассказ для ребят?

И услышали любопытную историю.

Осенью 1924 года в Ленинграде был создан детский журнал «Новый Робинзон». Помещался он в одной комнате со взрослым журналом «Ленинград». Л. О. Раковский работал техническим секретарём в «Ленинграде» и, конечно, видел всех проходящих в детский журнал. А приходило туда много интересных людей: Корней Чуковский, Борис Житков, Виталий Бианки, Николай Тихонов... Душой

журнала был С. Я. Маршак. Он-то однажды и предложил:

— Послушайте, Раковский! Напишите что-нибудь для нас!

Леонтий Осипович согласился. Вспоминая об этом, он рассказывает:

— Я решил написать рассказ для детей. Мой киевский друг, поэт Григорий Ван рассказал мне случай, который произошёл с ним на одесском велодроме. Ван, хорошо ездивший на велосипеде, как-то прийдя на велодром, попробовал покататься на мотоцикле. Недолго думая, он сел на мотоцикл, без труда поехал, но когда захотел остановиться, то, к своему ужасу, понял, что не знает, как останавливают мотоцикл. Григорий пережил на велодроме несколько неприятных минут. В конце концов он сообразил, как выключить мотор.

На этой фабульной канве я задумал весёлый рассказ. В Одессе я никогда не был и решил местом действия избрать знакомое мне белорусское местечко. А героями в рассказе вывел двух мальчишек-спортсменов — Абрашу и Яшу.

Когда мой «Мотоцикл» был, как мне казалось, готов, я с трепетом передал рукопись Самуилу Яковлевичу. Маршак прочёл рассказ и пригласил меня побеседовать о «Мотоцикле» к себе на Пантелеймоновскую улицу.

У Маршака вечно было много дел, он всё куда-то спешил. Но для разговора со мной Самуил Яковлевич щедро отпустил целый вечер. Он разобрал мой рассказ по косточкам. Порывистый Маршак не сидел на месте. С листиками перепечатанного на машинке «Мотоциклета» он бегал по комнате из угла в угол. Он наглядно, на моём же материале, показал, как надо строить сюжет. Ероша привычным движением пальцев густые волосы и взглядывая на меня поверх очков, Самуил Яковлевич увлечённо придумывал разные смешные положения и говорил:

— Если уж вы нашли удачный ход, то развивайте его! Не останавливайтесь на первом варьянте!

Самуил Яковлевич научил меня, как лепить характер.

Оба моих героя — сын музыканта Абраша и слесаря Яша — поначалу отличались друг от друга только именами.

Тонкий мастер уделил мне лишь один вечер, но его добрых, мудрых советов хватило мне на всю мою литературную жизнь...

Рассказ был опубликован тогда же, в 1924 году, и с тех пор нигде не публиковался. Вот мы и решили предложить его вам.

МОТОЦИКЛЕТ

Рис. В. Орлова

1.

Много есть разных домов в местечке: и почта, и аптека, и заезжий двор, но всё-таки самые примечательные из них — это дом музыканта Арона и слесаря Янкеля. Оба дома стоят возле рынка, один против другого, и каждый день, с утра до вечера, в обоих и шум и звон.

Только звон разный.

У Арона то весело (совсем по-птичьи) высвистывает флейта, то жалобно заливается скрипка. Так бы и слушал без конца.

А у Янкелевой мастерской не постоишь и минуты: как тавкнет под молотком жечь, как заскрежещет напильник — знай уходи подальше!

И много есть в местечке разных мальчишек — целый пионерский отряд, но самые большие друзья из них — это сын музыканта Абраша и слесаря — Яша. Только и они похожи друг на друга, как флейта на кастрюлю: Абраша — худой и чёрный, а Яша — поплотнее и весь рыжий, будто из красной меди.

Когда ещё ни Абраша, ни Яша не ходили в трудовую школу, а просто по целым дням играли на Коровьем рынке, и тогда у них всё было по-разному. Абраша сядет, бывало, у пожарного сарая, что помещается на углу рынка, и спокойно мастерит из фанеры скрипку. А Яша вырежет из консервной банки дно, пробьёт его гвоздём, гвоздь приколотит к палке, чтобы только держался, и велосипед готов: кати куда хочешь.

Но это было когда-то.

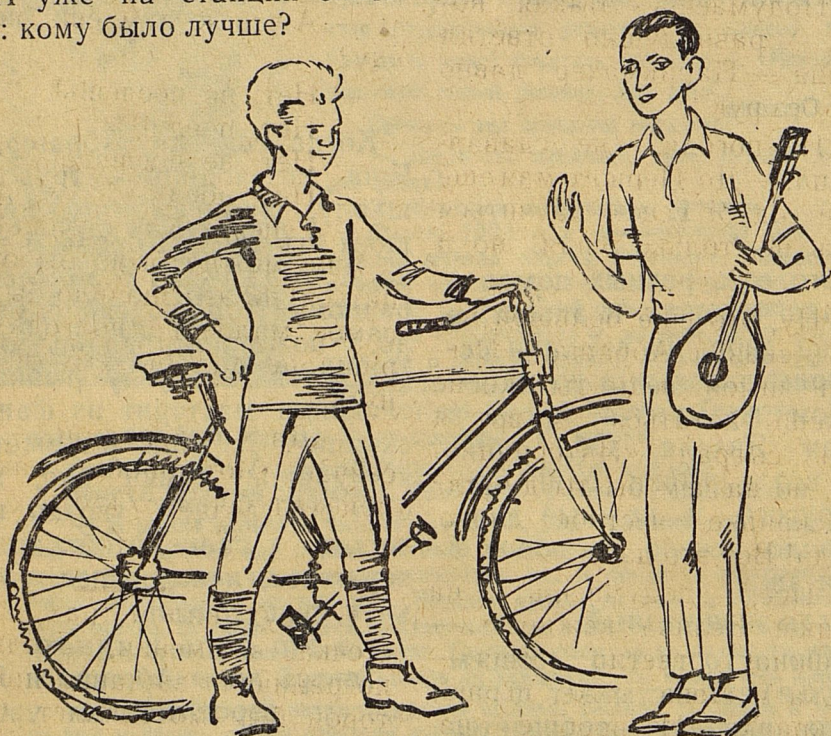
Теперь же и Абраша и Яша совсем взрослые: им уж не сделаешь галифе из старых отцовских брюк и не порадуешь детской игрушкой. Абраша уже по-настоящему играет в клубном оркестре на мандолине, а Яша лучше самого парикмахера ездит на отцовском велосипеде.

И всё бы хорошо — большие друзья Абраша с Яшей, если бы только не были они к тому же большими спорщиками. А спорят они между собой издавна. Бывало, выйдут утром на Коровий рынок. Абраша ест хлеб, намазанный мёдом, а Яша — булку с брусничным вареньем. И спор готов: у кого вкуснее. А то когда-нибудь

старый Лейзер, отправляясь за пассажирами на станцию, возьмёт с собой на козлы Абрашу, а Яша сам прицепится сзади к рессорам коляски и трясётся так через всё местечко. И уже на станции опять спор: кому было лучше?

спорить о том, что будет, то спор моментально переходит на то, что есть: чья работа ценнее — музыканта или слесаря?

— Музыка нужна всякому, — говорит Абраша. — На

И так без конца.

Но теперь у них иные темы для спора. И самая главная — кто больше отличится на первомайском выступлении клуба в будущем году — Абраша или Яша.

Абраша хвалится, что он выступит соло на скрипке, а Яша — что будет первым в местечке по фигурной езде на велосипеде. И каждый день, как только они встретятся, оба спешат похвастаться своими успехами. Но так как трудно

фронт едут — музыка, хоронят кого-либо — музыка, в клубе митинг или спектакль — тоже музыка. Без неё ничего не бывает!

— Плевать на твою музыку, — перебьёт его Яша. — Теперь не такое время! Обойдёмся и без неё. Теперь надо уметь винтовку разобрать, мотоциклет исправить, а не на скрипке пиликать!

И как бы в подтверждение своих слов он ловко вскочит на велосипед и начнёт выписывать восьмёрки по Коровьему рынку.

2.

— Ты знаешь, Абраша, я уже проезжаю без рук от дома до самой почты, — сказал однажды Яша, встретив Абрашу.

— Подумаешь, такая новость, — равнодушно ответил Абраша. — Парикмахер давно ездит без рук.

— Но погоди, — не сдавался Яша. — До Первого мая ещё целый год. Я успею научиться ездить не только сидя, но и лёжа.

— Ну, это ещё большой вопрос, — сказал Абраша. — Осенью и зимой ведь ты же не сможешь кататься. А вот я вчера сыграл «Интернационал», но на чём бы ты думал? На скрипке, честное слово, правда! Вот это да!

— Псс, подумаешь, на скрипке! Велика важность, — небрежно ответил Яша. — Мотыка и Лёва тоже играют на скрипке. И вообще — нашёл чем хвастаться. Ты думаешь, я не знаю: мандолинный строй точь-в-точь как скрипичный.

— Что ж, по-твоему, скрипка и мандолина одинаковы? — вспыхнул Абраша. — А смычок ты куда девал? Выходит, что всё равно, играть ли смычком или косточкой?

— Никто не говорит, что одинаковы, — возразил Яша. — Но это мелочь. И вообще, раз ты играешь на мандолине, тебе было бы стыдно не играть на скрипке. Всё равно, как если бы я, умея ездить на велосипеде, не поехал бы, скажем

себе, на... хоть на... на... мотоциклете, — выпалил Яша и вдруг сам испугался того, что сказал.

— Что? Ты поедешь на мотоциклете? — спохватился Абраша. — А ну-ка, попробуй!

— А что ж, думаешь, не поеду?

— Нет, не поедешь!

— Нет, поеду!

— Нет, не поедешь!

— Нет, поеду!

— Теперь? Как стоишь?

Яше можно было бы отступить, но это значило бы, что, самое малое на полгода, Абраша не дал бы ему и пикнуть.

— Да, — сказал он, — хоть сейчас. Мотоциклист как раз приехал зачем-то к отцу.

3.

В двух километрах от местечка, в имении, находилась пограничная застава, при которой был мотоциклет. Однажды мотоциклист заехал к Яшиному отцу за каким-то инструментом и с тех пор стал часто бывать у него.

Яша много раз хотел приглядеться, как пускают в ход и останавливают мотоциклет, но всё никак не удавалось. Когда Яша приставал с расспросами к мотоциклисту, тот смеялся только и говорил:

— Это, брат, секрет изобретателя!

А сядя на машину, он шутил трогал целый ряд винтов и гаек, чтобы окончательно сбить Яшу с толку. И Яша подметил лишь то, что красно-

армеец, прежде чем ехать, всегда несколько шагов бежал рядом с мотоциклетом, разгоняя его.

Когда Яша подошёл с Абрашей к дому, мотоциклет по обыкновению стоял у крыльца.

Яша оставил Абрашу на улице, а сам пошёл посмотреть, что делают в доме. Момент был удачный: мать, очевидно, ушла в кооператив, а отец сидел на столе в мастерской и что-то рассказывал красноармейцу. Но Яша всё-таки не был уверен в себе и решил попробовать как-либо увернуться от поездки.

— Всё хорошо, можно ехать, — сказал он, выходя из дому к Абраше. — Только знаешь, я поеду, если со мной поедешь и ты.

— А зачем же ехать и мне? — удивился Абраша.

— Затем, чтобы видеть, могу ли я управлять мотоциклетом или нет.

— Но я это увижу и со стороны.

— Что ж, ты будешь гоняться за мной по всему местечку, как Букет за извозчиком? Лучше сознайся прямо, что ты боишься, — насмешливо сказал Яша.

— Нет, я вовсе не боюсь, но...

— Но что?

— Но где же я сяду?

— Ха-ха-ха! Он не знает, где садятся! Я впереди, а ты сзади за мной, на багажнике.

— Нет, я не хочу: так я свалюсь.

— Какой ты чудак, Абра-

ша! Сразу видно, что ты трусишь. Ты же будешь держаться за меня, понимаешь?

— Нет, нет, я не поеду, — испуганно сказал Абраша.

— Ага, значит, я буду знать, что ты — трус. Сегодня же так и скажу всем — и Мотьке и Лёве!

И Яша пошёл прочь.

— Ну, хорошо, хорошо, я поеду, — спохватился Абраша.

— Смотри же, если ты не вскочишь за мной, я всё-таки буду считать тебя трусом, — пригрозил Яша и решительно направился к мотоциклету.

Абраше нечего было делать. Когда Яша повёл от крыльца мотоциклет, он упёрся в сиденье машины, изо всех сил подталкивая её вперед. Шага два мотоциклет прошёл не работая, но потом мотор разом выстрелил, точно отпугивая мальчиков. Яша вскочил на сиденье, а Абраша в нерешительности бежал сзади, держа за мотоциклет.

— Садись же! — крикнул Яша.

Абраша, пересиливая страх, вспрыгнул и крепко обхватил Яшу руками. Мотоциклет, вздрагивая, пошёл по кругу Коровьего рынка.

Свинья столяра, валявшаяся у пожарного сарая, с визгом кинулась в сторону. Целое стадо кур разлетелось по пло-

щади — кто куда, будто в них швырнули палку. И только лохматый сапожник Букет, всегдашний участник уличных приключений, с отчаянным лаем помчался за мотоциклетом вдогонку.

Абраша сидел, плотно прижавшись к Яше. Он боялся, он дрожал от страха и поэтому закрыл глаза, чтобы ничего не видеть.

А Яша в это время делал круги по пустой площади. Он радовался, ликовал. Пусть же глядят все, как Яша ездит на мотоциклете!

Мотоциклет уже несколько раз обогнул рынок, когда из дома выбежал мотоциклист. Яша увидел, что красноармеец бежит к площади, и решил остановиться. Но едва он подумал об этом, как весь похолодел от ужаса: он не знал, как остановить мотоциклет. Яша стал таким красным, точно черепица крыши пожарного сарая. Он сидел на мотоциклете, дико вытаращив глаза и продолжая мчаться по кругу.

Добежав до рынка, мотоциклист бросился наперерез машине, стараясь сблизиться

с ней, и что-то кричал. Яша успел разобрать только одно слово: «поверни». И вдруг вспомнил, как мотоциклист поворачивал рукоятку руля.

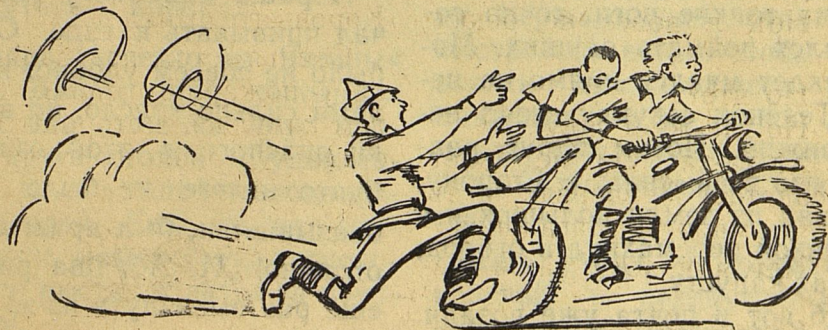
«Это, наверно, тормоз», — подумал он и повернул рукоятку к себе.

Мотоциклет затрещал так, будто разом застрочило десять швейных машин, и пошёл ещё шибче.

В это время открыл глаза и Абраша. Он на секунду увидел клочок неба с колодезным журавлём, какие-то крыши и шлем мотоциклиста. Абраша решил, что их накрыли за этим непозволительным занятием. Он снова уткнул голову в Яшины плечи и ожидал, когда остановится мотор.

Мотор же и не думал останавливаться. По лицу Яши ручьями тёк пот, но он крепче прежнего держал руль.

На шум со всех сторон к площади бежали дети. А от дома, надвинув на лоб очки, с криком спешил Яшин отец. В глазах у Яши рябило. Дома насккивали друг на друга. Колодец вырастал в пожарную каланчу. Лавочка мчалась к колодцу. И нельзя было

разобрать, кто кричит — Яшин отец или Абрашина мать.

— Ой, караул! Спасите, он убьётся!

Красноармеец по-прежнему бежал за Яшей, что-то показывая ему руками и стараясь докричаться. А Яша из-за стука мотора не мог расслышать. Он знал, что надо что-то делать, и решил попробовать ещё раз повернуть рукоятку. Но едва он сделал это, как мотоциклет взревел, подымая облако пыли, и понёсся ещё быстрее. Теперь он трещал так, точно свора мальчишек вздумала на бегу барабанить палками по забору.

Яша чувствовал, что ещё минута — и он вылетит вместе с Абрашей из мотоциклета, так как машина побежала по кругу быстрее прежнего, сильно подбрасывая на поворотах. Яша решил вырваться из круга. Он круто обогнул колодец и помчался по улице.

4.

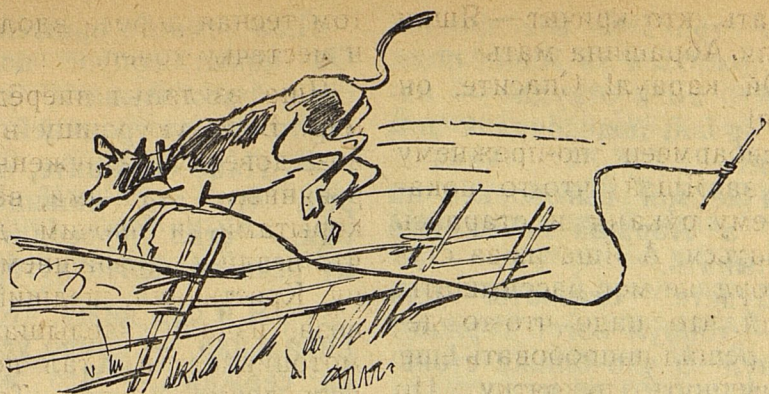
К счастью, улица была пуста. Только у почты, в канаве, как всегда, ходил на привязи телёнок. Он уже наелся и теперь бесцельно стоял на самой середине улицы, широко расставив тонкие ноги, точно собирался поймать едущих. Мотоциклет мчался прямо на него. Телёнок секунду стоял неподвижно. Потом вдруг рванул изо всей силы в сторону, вырвал из земли колышек и с верёвкой перемахнул в огород, ломая капусту.

Но вот и почта уже позади. Ещё десятка два домов, и по-

том тесная дорога вдоль сада, и местечку конец.

Яша взглянул вперёд и обмер. В узкую улицу въезжал воз, доверху нагруженный деревянными кадками, ведрами, корытами и прочим добром, что везли к завтрашнему базару. Крестьянин, шедший около воза, издали заслышал стук мотоциклета и стал поворачивать лошадь назад. Телега с трудом поворачивалась и загородила собой всю дорогу. Медлить было нечего. Нужно было что-то сделать, чтобы хоть уменьшить ход. Поворачивать к себе рукоятку руля Яша уже боялся, но предпринять что-либо надо было. И Яша на этот раз попробовал повернуть рукоятку от себя. Мотоциклет действительно пошёл тише. Воз только что успел повернуться, и лошадь, услышав за плечами страшный треск, понеслась по широкому тракту вскачь. Крестьянин несколько шагов тянулся на вожжах, упираясь в песок ногами, но вожжи не выдержали. Он упал, а лошадь мчалась впереди мотоциклета, с каждым прыжком выбрасывая из телеги содержимое.

Абраша понемногу уже начал привыкать к езде. Сидеть было не совсем удобно: временами сильно трясло, но всё-таки опасного в этой езде как будто ничего не было. Яша, оказывается, был прав: он вёз отлично! И Абраша рискнул ещё раз выглянуть из-за Яшиных плеч.

То, что на этот раз увидел Абраша, было непохоже на прежнее. Во-первых, они уже почему-то мчались по тракту, и, во-вторых, откуда-то летели корыта, вёдра, лохани, кадки. Точно кто-то швырял ими в мотоциклет и всё время промахивался. Абраша больше не закрывал глаз.

А Яша сидел ни жив ни мёртв. От ужаса он не мог ни о чём думать. В его голове стояла только одна нелепая мысль: когда же свалится с воза последнее ведро? Оно билось на дне телеги и ещё сильнее пугало и без того испуганную лошадь. Наконец лошадь обессилела окончательно. Чувствуя, что ей не убежать от погони, она догадалась-таки шархнуться с дороги.

Ведро исчезло из Яшиных глаз. Вместо него вынырнул мост, два стоящих друг против друга столба и удивлённый, не ждавший мотоциклета часовой. Ещё секунда-другая — и мотоциклет, загрохотав по мосту, скрылся за поворотом.

5.

Сержант польского пограничного пункта, заменявший уехавшего в полк поручика, сидел в канцелярии. Он подбирал на мандолине мотив краковяка, когда с границы слышались выстрелы. Сержант с неудовольствием отложил мандолину, снял со стены карабин и вышел на крыльцо.

В это время во двор влетел мотоциклет. На нём сидели два мальчика. Мотоциклет не остановился ни на секунду, а точно расшалившийся жеребёнок, стал делать круги по двору хутора, в котором помещался пограничный пункт.

Высочившие из дома легионеры и жители хутора с удивлением смотрели на эту картину. Сержант уже хотел было выстрелить вверх, чтобы остановить сумасшедшего мотоциклиста, но не успел: мотоциклет сам сбился с голоса и стал. Все бросились к приехавшим.

Яша стоял у мотоциклега красный и перепуганный, а Абраша был белее своей руба-

хи. От страха он всё продолжал держаться за Яшин пояс.

— Кто вы и откуда? — нахмурив брови, подскочил к ним сержант.

Яша не мог выговорить ни слова, а Абраша начал уже всхлипывать.

— Будете отвечать или нет? — топнул ногой сержант и дернул за ухо ближе стоявшего Яшу.

Тут наконец не выдержали и Яшины нервы. Он заплакал навзрыд, растирая слёзы по запылённому лицу.

— Пане сержанте, я их знаю. Позвольте мне сказать, — вмешался владелец хутора.

— Пожалуйста, — разрешил сержант.

Владелец хутора нагнулся к Яше и, отнимая его руки от лица, сказал:

— Ну, конечно, они оба из местечка. Этот вон сын слеса-

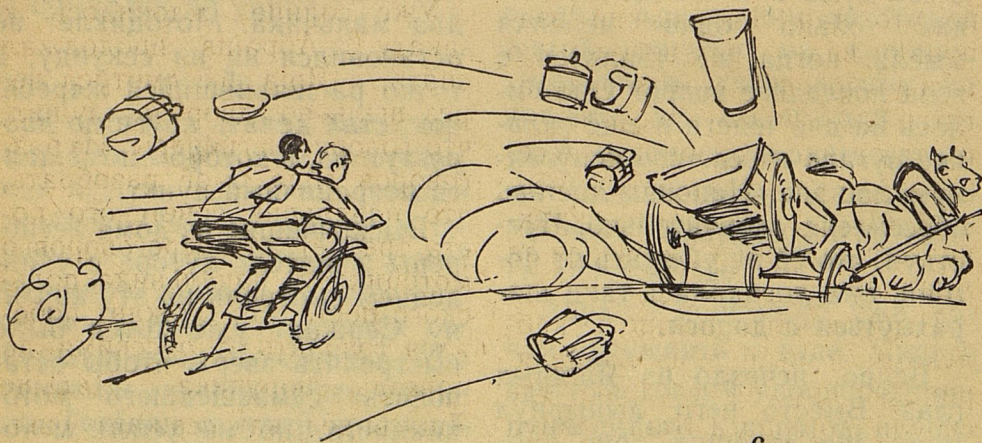
Яша немного пришёл в себя. Он понял вопрос поляка и стал рассказывать, как они очутились за границей.

— Пане сержанте, он говорит, что эта машина военная, — стал переводить Яшину речь владелец хутора.

— Я и сам вижу, что она не цивильная, — криво усмехнулся сержант. — Что же дальше?

— А дальше мальчик говорит, что они хотели покататься и неожиданно перескочили через границу.

— Э, глупости! Он врёт всё, щенок этот. Кто дал бы детям машину для забавы? Тут что-то не так! Смените часового Цыбульского и пошлите его ко мне, а этих — запереть в сарай! — обернулся он к капралу и важно зашагал в дом.

6.

ря Янкеля, а тот — музыканта Арона.

— Хорошо, спросите же, как и зачем они попали сюда, — обратился к владельцу хутора сержант.

В то время как мотоциклет перескочил через мост, часовой Цыбульский дремал в тени под берёзами. Разбуженный стуком мотора, он вскочил, ничего не соображая. Но

когда на русской стороне раздался выстрел, он тоже выстрелил вверх. Только у сменившего его legionера Цыбульский узнал настоящую причину тревоги. И теперь, стоя перед сержантом, Цыбульский врал как мог, чтобы оправдаться.

— Пане сержанте, их было трое, ей-богу, трое: комиссар и эти мальчишки. Я видел, как они мчались ещё по той стороне, ей-богу, видел. Я подпустил их ближе и, как раз на мосту, выстрелил. Комиссар упал, а мальчишки промчались. Но я видел, ей-богу, видел, что мальчишка далеко не уедет — я попал в мотор...

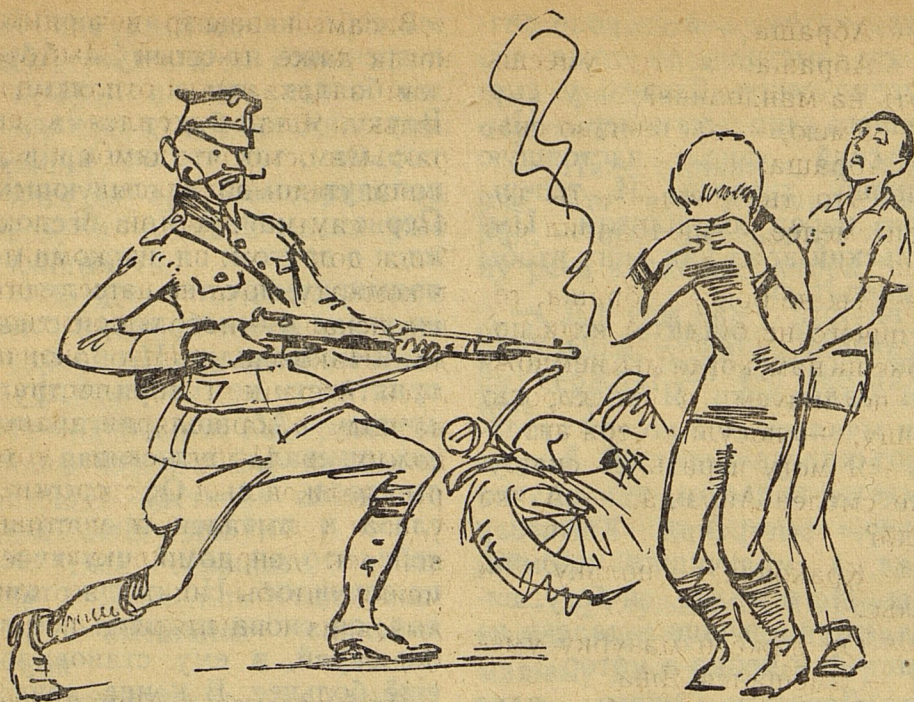
— Довольно врать, пане Цыбульский, довольно! Мотоциклет стал не потому, что пан Цыбульский выстрелил, а потому что не хватило бензина. А во-вторых, посмотрите на себя в зеркало: по лицу заметно, что пан Цыбульский неправду видел трех человек, но только во сне. Завтра возвратится из полка поручик, — пусть он вас и разбирает. А сегодня — караулить этих щенков! Марш! — сердито крикнул сержант и снова взялся за мандолину.

Цыбульский щёлкнул каблуками и вышел из канцелярии. Он прошёл к сараю, где сидели Абраша и Яша, глянул на них, выругался и присоединился к толпе legionеров, рассматривавших мотоциклет.

Абраша и Яша, совершенно расстроенные случившимся, лежали на соломе. Но даже и в несчастье они остались вер-

ны себе: каждый из них был встревожен по-своему — Абраша боялся, что их повезут в Варшаву, что будут таскать по тюрьмам, так что они вряд ли попадут домой к следующему Первому мая. А Яша беспокоился о другом: он никак не мог примириться с тем, что именно он угнал к белополякам советский мотоциклет. И оба от неприятности не говорили друг с другом. Абраша потихоньку всхлипывал, вспоминая местечко и дом. Он закрывал глаза и пытался представить себе, что он дома, что ничего не случилось. Но, когда открывал, он снова находил всё тот же сарай, и ему становилось ещё больнее. В конце концов, утомлённый пережитым, Абраша уснул. А Яша не мог закрыть глаза. Он уставился в одну точку и всё думал: как же в самом деле останавливают мотоциклет?

Уже солнце склонилось к закату. Абраша продолжал спать, а Яша всё смотрел через щель во двор и слушал, что говорят legionеры. Из разговоров Яша смог разобрать, что начальник советского поста требует для переговоров о мотоциклете начальника польского поста. Но сержант побоялся говорить с русскими до приезда поручика. Дальше Яша видел, как сержант учился ездить на мотоцикете. Рыжеусый капрал ни на минуту не оставлял в покое мотоциклет. Он где-то раздобыл бензин и теперь показывал своё искусство: катался на мото-

циклете по двору и учил сержанта управлять мотором. Яша смотрел, не спуская глаз, и старался в то же время слушать: он многое понимал из того, что говорили поляки.

Сержант учился ездить на мотоциклете до самого заката солнца, а потом велел втащить машину в сарай.

— Цыбульский, — сказал он легионеру. — Переведи этих хлопцев в канцелярию — там они будут спать, а здесь поставим машину: завтра утром я поеду на ней за поручиком на станцию. Да надо предупредить часового, чтобы он не вздумал стрелять в меня, когда я поеду!

Абрашу и Яшу перевели в пустую канцелярию и впервые за целый день дали им солдат-

ского кофе с хлебом. Абраша был по-прежнему хмурым, а Яша весь сиял.

— Что ты такой весёлый? — спросил у него Абраша.

— Тсс! Пока ты спал, я узнал, как останавливать мотоциклет, — ответил Яша.

— Думаешь, это тебе пригодится? — насмешливо сказал Абраша. — Как бы не так. Посмотри, сарай закрыли на замок, а при нас опять будет всё время торчать этот толстый легионер!

Яша ничего не успел возразить на это, потому что в канцелярию вошёл сержант.

— Кто з вас сын музыканта? — спросил он.

— Я, — испуганно ответил Абраша.

— Как тебе имя?

— Абраша.

— Абраша, а ты умеешь грать на мандолине?

— Умею, — застенчиво сказал Абраша.

— Что ты боишься, ты говори смелее, — подбодрил его Яша.

— Ты не бойся, Абраша, тебе ничего не будет. А если поиграешь нам, когда мы немножко потанцуем, я вас хорошо угощу, — посулил сержант.

— Я могу играть, — сказал уже смелее Абраша. — А что надо?

— Краковяк, польку и вальс.

— Он даже и мазурку умеет, — вмешался Яша.

— Вот и добже. Эй, Цыбульский, — крикнул в дверь сержант. — Почему у них кофе без молока? Принеси молоко, что у меня на окне стоит. И масло. Живо!

Через полчаса, когда Абраша и Яша, наевшись, шли за сержантом в дом владельца хутора, Абраша тихо сказал Яше:

— Ты ошибаешься, если говоришь, что слесарное мастерство важнее музыки. Видишь: музыка — это всё!

— Посмотрим, — загадочно ответил Яша.

7.

Абраша с большим успехом играл целую ночь legionерам и их гостям танцы. Они, пожалуй, танцевали бы до утра, если бы Яша предусмотрительно не посоветовал Абраше порвать две струны.

В самый разгар вечеринки, когда даже толстый Цыбульский залихватски отплясывал польку, Яша подкрался к сараю. Он осмотрел замок и вернулся очень довольный: замок был самый простой. В доме Яша долго ходил из комнаты в комнату, пока не нашёл того, что искал, — небольшого гвоздя. Наконец танцы окончились. Абраше и Яше постлали на полу в канцелярии драный ковер, а Цыбульский, который должен был их сторожить, улёгся у порога. Он поставил поперёк двери широкую скамейку, чтобы никто не смог выйти из канцелярии, не разбудив его.

Яша рассказал Абраше свой план побега, и теперь они ждали, когда заснёт Цыбульский. И вот legionер захрапел... Мальчики поднялись. Решено было открыть окно и выпрыгнуть во двор. Но когда попробовали открыть окно, рама не поддавалась — разбухла от дождя. Яшу бросило в пот. Он чуть не плакал от неудачи.

— Слушай, полезем под скамейку, — сообразил Абраша. — Цыбульский не услышит.

Яша долго не рассуждал. Он подошёл на цыпочках к скамейке и полез под неё. Но и здесь оказалось препятствие: одна рука Цыбульского свесилась и мешала пролезть. Яша секунду раздумывал, а потом решительно отвёл руку legionера в сторону. Цыбульский зачмокал во сне губами и убрал руку. Яша пролез пер-

вым и налёг на дверь. И тут они обмерли от страха, — дверь завизжала, будто колодезный журавль на Коровьем рынке... Абраша оцепенел под скамейкой, а Яша застыл у порога.

Но Цыбульский только пустил храп гуще прежнего. Мальчики прокрались в коридор. Уже начинало светать. С низины от речки к хутору, как кисель, тянулся молочный туман, скрадывая в двух шагах предметы. Яша вынул гвоздь и ловко открыл замок. Ещё шаг — и его рука снова лежит на этом проклятом руле.

— Абраша, не зевай, вскакивай живее! — заикаясь от волнения, зашептал он и потащил мотоциклет из сарая.

Шаг, два, три — мотор не работает. Приналегли ещё. Вот уже и ворота, а там спуск вниз, к реке и где-то в тумане

не — часовой. И вдруг мотор затрещал. Абраша вскочил и прямо влип в плечи Яши.

— Пане сержанте за поручиком? — раздалось откуда-то сбоку. Яша ничего не ответил, а только вжал голову в плечи и повернул рукоятку руля до отказа...

Много есть в местечке разных мальчишек — целый пионерский отряд. Но самые известные теперь в нём — это сын слесаря Яша и музыканта — Абраша. И оба они большие друзья, но еще большие спорщики. Где бы ни сошлись, всё спорят. И особенно спорят о том, кто из них больше отличился во время поездки на мотоциклете: Абраша ли, который музыкой отвлёк legionеров и нашёл лазейку из канцелярии, или Яша, который открыл сарай и сквозь туман провёл мотоциклет через границу.

*

В. шульжик

Стихи про доктора наук

Профессор —
Тот, кто был профессором
И даже доктором наук,
Мог сам, насвистывая весело,
Отремонтировать каблук.
Очки оставив в толстом томе
И не досочинив статью,
Он мог трубу почистить в доме
И сделать новую скамью.
Он сам топил и чистил печки,
Он жарил сам и сам варил
И вечерами на крыльчке
Сам что-то штопал и кроил.
Обыкновенная работа
Была мила ему вокруг.
И он, наверно, оттого-то
Был признан доктором наук!

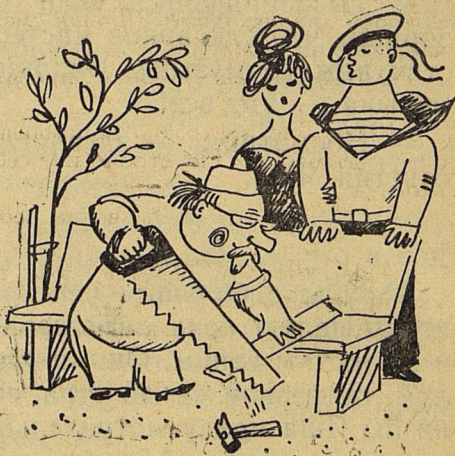

Рис. В. Меньшикова

Эпизод четвертый

Вечер. Уголок парка — тот же, что и в первом эпизоде. На скамейке, задумавшись, сидит Толик. Входит папа.

ПАПА. Толик! Я тебя всюду разыскиваю. Почему ты не идёшь домой? (Толик молчит.) Объясни, что с тобой происходит? (Толик молчит.) Толик, я жду.

ТОЛИК. Я даже не знаю, про что ты.

ПАПА. Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Не строй из себя ребёнка.

ТОЛИК. А кто я, разве не ребёнок?

ПАПА. Я хочу сказать, что ты уже не маленький.

ТОЛИК. Ну да, если меня ругать, так я не маленький, а если телевизор смотреть, когда целуются, так я сразу маленький.

ПАПА. Толик, не заговаривай мне зубы. Я знаю про все сегодняшние похождения. Толик, это очень серьёзно. Я требую, чтобы ты мне всё рассказал откровенно.

ТОЛИК. А что мне рассказывать?

ПАПА. Не прикидывайся младенцем! Прежде всего меня интересует, что ты наговорил маме. Она всё время твердит, что ты прекрасный, изумительный, послушный, честный и так далее. Ещё вчера она этого не говорила. Да ты и сам прекрасно знаешь, что это не так.

ТОЛИК. Папа, ты сам говорил, что человек всё время меняется. Может, я как раз сегодня изменился. Я же получил сегодня две пятёрки.

ПАПА. Три. Майя Владимировна тоже поставила тебе пять.

ТОЛИК. Вот видишь. Сам говоришь...

ПАПА. Я видел, что ты совершенно ничего не знал. Я так и не понял, почему она тебе поставила пять. Может быть, ты опять наговорил ей, что

маму в больницу отвезли и не выучил?

ТОЛИК (с возмущением). Я?! Когда я так говорил?!

ПАПА. В прошлом году.

ТОЛИК. В прошлом году я был маленький. Сейчас я совсем другой.

ПАПА. Да, ты совсем другой. Сегодня я в этом убедился. (Пауза.) Толик, я не могу радоваться твоим пятёркам. Они какие-то не настоящие. Сегодня всё ненастоящее, даже мама. Весь день ненастоящий. (Грустно.) И в хоккей наша сборная проиграла. (Уходит.)

ТОЛИК. Вот так всегда: ни из-за чего набрасываются, только нервы портят.

Входит Мишка. Вид у него крайне невесёлый.

ТОЛИК (радостно). Мишка, молодец, что меня нашёл.

МИШКА. Я тебя не искал.

ТОЛИК. А у меня неприятности.

МИШКА. Так тебе и надо.

ТОЛИК. Ты что, больной, что ли? (Крутит пальцами у виска.)

МИШКА. А ты трепло!

ТОЛИК. Чего я тебе натрепал?

МИШКА. Сам знаешь что. (Передразнивает.) «Иди домой спокойно... Всё починилось...» Фига у меня починилось!

ТОЛИК. Совсем ничего не починилось?

МИШКА. Конечно, ничего. Зря тебе только поверил.

ТОЛИК. Не может быть! У меня сегодня всё исполнилось, чего мне хотелось.

МИШКА. Так это у тебя. А вот у меня не исполнилось. Я тебе поверил, пришёл домой, а там всё как было.

ТОЛИК. А мама дома была?

МИШКА. Конечно, дома, где же ещё. Я вошёл и говорю: «Ха-ха-ха! Здорово я всё отремонтировал? Угадай как». А она говорит: «Сейчас отгадаю». Как схватит меня за ухо и — прямо носом в телевизор. Говорит: «Ты ещё смеяться вздумал? Я тебе покажу «ха-ха-ха». Я тебя сей-

час так «отремонтирую», что никакая мастерская не примет». Хотела меня за другое ухо схватить...

ТОЛИК. Так ты бы вырвался и убежал! Теперь уж всё равно!

МИШКА. Я и вырвался, пока она переменяла. Подбежал к двери, которая в коридор, как толкну, а там — бемс! Смотрю — соседка сидит на полу и за голову держится.

ТОЛИК. Так ей и надо, пускай не подглядывает.

МИШКА. Да я ведь её пылесос сломал...

ТОЛИК. Ну и что? Ты же не виноват, ты же не знал, что она подглядывает! Сама себе шишку зароботала.

МИШКА. Шишка — ерунда, она из кухни шла, у неё в руках тарелки были...

ТОЛИК. Ну, всё, теперь тебе домой лучше не ходить.

МИШКА. А я к бабушке ночевать пойду. (Пауза.) Толик, а почему у меня ничего не починилось?

ТОЛИК. Не знаю. Я честно думал: «Пускай у него всё починится».

МИШКА. А как он тебе говорил? Какие желания у тебя будут исполняться?

ТОЛИК. Которые сильно хочется.

МИШКА. Значит, тебе не сильно хотелось.

ТОЛИК. Да у меня сегодня всё исполнилось! Три пятёрки получил.

МИШКА. Значит, для себя тебе сильно хотелось, а для меня не сильно.

ТОЛИК. Мишка, я честно про тебя думал.

МИШКА. Знаю, как ты про меня думал, можешь не рассказывать. Я с тобой всегда всё пополам, а ты один раз поделиться не хочешь.

ТОЛИК. Я всегда раньше с тобой делился.

МИШКА. Так это раньше... (Пауза.)

ТОЛИК. Мишка, а мне тоже домой идти нельзя.

МИШКА. Тебе-то почему?

ТОЛИК: Папа всё узнал: про пятёрки. Он меня спрашивает, а я ему что скажу? Правду ведь я не могу сказать. Если я пойду, он опять меня начнёт спрашивать.

МИШКА. Не нужно было загадывать, что не надо.

ТОЛИК. Я не нарочно. Оно само придумывается.

МИШКА. Про меня небось само не придумывается.

ТОЛИК. Ну хочешь, я снова про тебя надумаю.

МИШКА. Только ты как следует.

ТОЛИК. Сейчас. *(Обхватывает голову руками, шевелит губами раскачивается.)* Готово. Можешь идти домой.

МИШКА. Нет уж, обожду немножко. У тебя есть две копейки?

ТОЛИК *(достает из кармана)*. На.

Мишка входит в телефонную будку, набирает номер.

МИШКА. Мама? Это я, Мишка. Из трубки доносится женский голос, быстро говорящий что-то на высоких нотах.

МИШКА. Мама, ты не кричи. Посмотри лучше на пылесос. *(Трубка взрывается неистовой скороговоркой.)* Я не издеваюсь, честное слово! *(Трубка на мновение смолкает.)*

МИШКА *(Толику)*. Пошла посмотреть. *(В трубку.)* Мама, ну что? *(Из трубки доносится вопль. Мишка бросает трубку на рычаг. Толику.)* Нет уж, мне сегодня целый день не везёт.

ТОЛИК. Честное слово, я про пылесос думал!

МИШКА. Да всё равно... *(Безнадёжно.)* К бабушке пойти, что ли?

ТОЛИК. И я с тобой.

МИШКА. Так дома же волноваться будут.

ТОЛИК. Ничего с ними не делается до завтра. А завтра я стану знаменитым. Пусть тогда попробуют со мной что-нибудь сделать.

МИШКА. Толик, а если ещё хуже получится?

ТОЛИК. Чудак, я тогда и тебя выручу.

МИШКА. Ладно, пойдём, я бабушку уговорю.

ТОЛИК. Ты сначала уговори, а я потом приду. Если уговоришь, ты

мне в форточку свистни. Я здесь посижу.

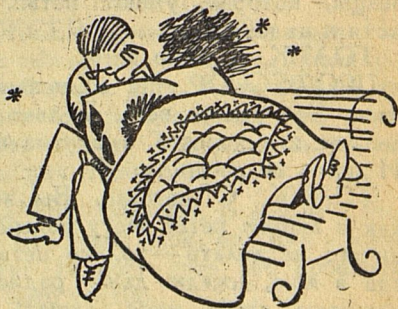
МИШКА. Ладно. *(Уходит.)*

ТОЛИК *(сидит на скамейке, потягивается, зевает)*. Эх, спать хочется...

Темнеет. Толик ложится на скамью. Засыпает. Входит автор с тючком подмышкой.

АВТОР. Вот так и бывает. Выпустишь своего героя на волю, а он и начинает куролесить так, что за ним не угонишься. А ругают за это кого? Автора. Почему не вмешался... А я не люблю особенно вмешиваться... *(Разворачивает тючок — подушка. завёрнутая в одеяло. Продолжая говорить, подкладывает Толику подушку под голову, укрывает одеялом.)* Настоящая история катится сама, словно колесо с горы. Нужно только её толкнуть в самом начале. *(Садится в ногах у Толика.)* Я не хочу думать за всех, командовать. В жизни всякий сам себе автор. Хорошие люди борются со своими недостатками, плохие — с достоинствами. И в каждом есть и то, и другое. Важно, что победит. *(Поправляет на Толике одеяло.)* Знаете, что мне нравится в моей работе? Я часто не догадываюсь, что произойдёт на следующей странице. Мне даже самому интересно. А когда интересно работать, это уже половина дела. Ну что ж, подождём до завтра. Боюсь, завтра будет нелёгкий день.

Автор облакачивается на спинку скамьи, кладёт голову на руку и засыпает. Издали несколько раз доносится свист. Но ни автор, ни Толик уже ничего не слышат. Наступает ночь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Эпизод пятый

Этот эпизод состоит из четырёх сценок, разделяемых паузами, необходимыми для того, чтобы построить каждую последующую мизансцену. Паузы должны быть как можно короче, чтобы эпизод смотрелся как стремительное и победоносное шествие Толика.

Сценка первая

Музыкальный класс. Рояль. У рояля на вертящемся стуле сидит профессор пения. Входит Толик.

ТОЛИК. Это вы профессор пения?

ПРОФЕССОР (*поворачиваясь на стуле*). Возможно. Но в те времена, когда я ещё не был профессором, а был просто мальчиком, таким, как ты, входя, я всегда говорил: «Здравствуйте!»

ТОЛИК. Ну, здравствуйте.

ПРОФЕССОР. Я говорил: «Здравствуйте!», а не «Ну, здравствуйте!»

ТОЛИК. Здравствуйте.

ПРОФЕССОР. Добрый день. Что тебе нужно?

ТОЛИК. Я решил стать артистом.

ПРОФЕССОР. Каким же артистом ты решил стать?

ТОЛИК. А чтобы петь по телевизору.

ПРОФЕССОР. Так... А по радио петь — тебя уже не устраивает?

ТОЛИК. Можно и по радио, только там меня видно не будет.

ПРОФЕССОР. Понятно. Ты хочешь петь, но только так, чтобы тебя видно было. Должен тебе сказать, что даже по телевидению выступают певцы, которые умеют петь... гм... хотя и не всегда.

ТОЛИК. Я умею петь.

ПРОФЕССОР. Не сомневаюсь в этом. Все умеют петь. Только одни делают это хорошо, а другие плохо. И давно ты поёшь?

ТОЛИК. С детства. Вы знаете, как я люблю петь! Могу целый день ничего не делать — только петь. Когда я пою, соседи даже радио включают, чтобы меня слушать.

ПРОФЕССОР. А ты, брат, хвастун.

ТОЛИК. Говорить правду — это совсем не значит хвастаться.

ПРОФЕССОР. Да ещё и мудрец в придачу! Но у меня нет времени даже для такой приятной беседы. Скоро придут мои ученики. До свидания.

ТОЛИК. Вот я сейчас уйду, а потом вы всю жизнь жалеть будете.

ПРОФЕССОР. Это почему же?

ТОЛИК. Что прогнали способного ребёнка.

ПРОФЕССОР. Послушай, способный ребёнок, что мне сделать, чтобы ты ушёл?

ТОЛИК. Прослушайте один куплет, тогда уйду.

ПРОФЕССОР (*устало*). Ну, пой.

ТОЛИК. А что петь?

ПРОФЕССОР (*в изнеможении*). Что хочешь! «В лесу родилась ёлочка». Знаешь? «Ладушки, ладушки...» Пой, только быстро.

Толик принимает позу и начинает петь неожиданно хорошим, глубоким басом.

ТОЛИК. Налей, полней стаканы, Кто врёт, что мы, брат, пьяны!

Мы веселы просто, ей-богу...

ПРОФЕССОР (*в крайнем изумлении вскакивает со стула*). Стоп, стоп! Кто тебя научил этой песне?

ТОЛИК. По радио слышал.

ПРОФЕССОР (*сердится*). Я спрашиваю — у какого педагога ты занимался?

ТОЛИК. У Майи Владимировны.

ПРОФЕССОР (*он возбуждён. Несколько раз поворачивается на стуле, пытаясь вспомнить*). Майя Владимировна... Майя Владимировна... Где она преподаёт?

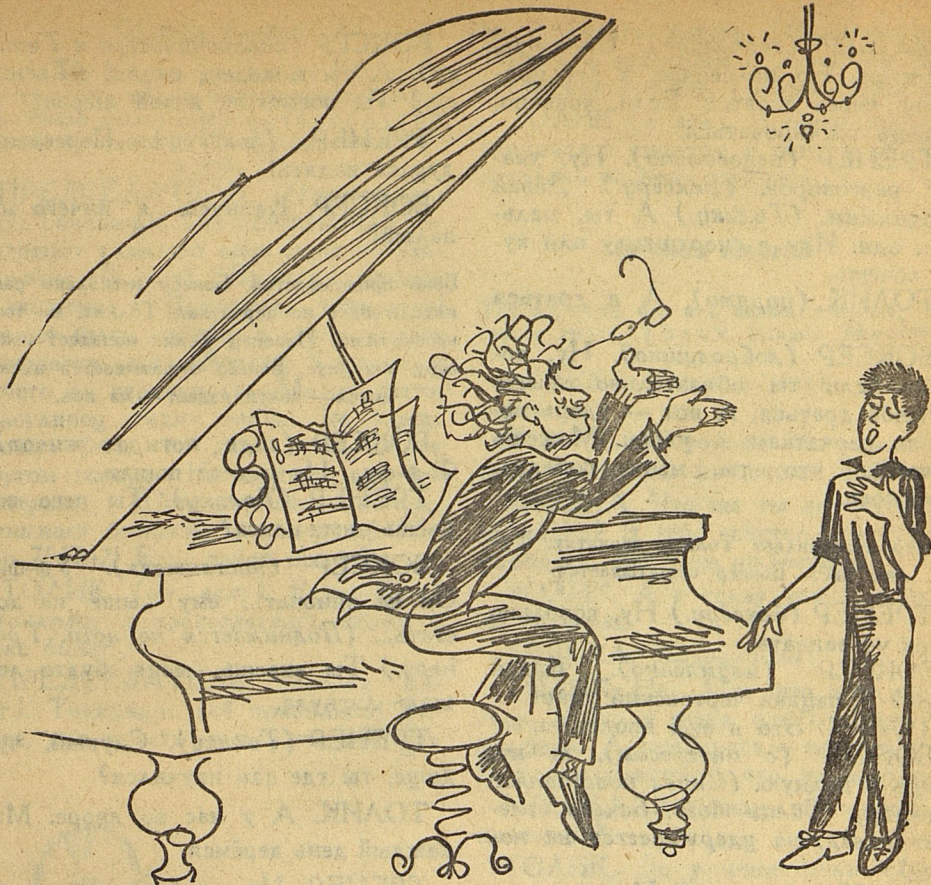
ТОЛИК. В нашей школе. Географию.

ПРОФЕССОР. Ничего не понимаю! Я спрашиваю: у кого ты учился петь?

ТОЛИК. Я ни у кого не учился петь.

ПРОФЕССОР. Что, сам?

ТОЛИК. Конечно, сам. А чего особенного?

ПРОФЕССОР. Чудовищно! Непостижимо! (Поворачивается к роялю, берёт последовательно несколько басовых нот.) Повтори! (Толик повторяет. Профессор берёт ещё более низкие ноты.) Повтори! (Толик повторяет.) Это невероятно! (Вынимает из кармана ручку и записную книжку.) Говори скорее свой адрес... фамилию... в какой школе...

Сценка вторая

Уголок спортивного зала. Боксёр могучего сложения ведёт «бой с тенью». Рядом — тренер.

ТРЕНЕР. Резче! Резче! Левой не вижу... Левая! Левая! Стоп!

Тренер подходит к боксёру, начинает ему что-то объяснять. Входит Толик. Он в боксёрских перчатках. Тренер замечает Толика,

ТРЕНЕР. Тебе что, мальчик?

ТОЛИК. А с кем бы тут подраться? Кто у вас самый сильный?

ТРЕНЕР (переглянувшись с боксёром). Здесь не дерутся, здесь боксируют. А драться иди на улицу.

ТОЛИК. Ну всё равно, с кем побоксировать?

ТРЕНЕР. Кто тебя пустил? Выйди отсюда!

БОКСЁР (тренеру). Подожди. Надо же объяснить человеку. (Толику.) Слушай меня, друг. Если хочешь научиться боксу, иди в детскую спортивную школу. Там принимают начинающих. Понятно?

ТОЛИК. Понятно. В школе я был уже. Там одни дети, что мне с ними делать? Я могу хоть вас победить, хоть кого угодно.

БОКСЁР (терпеливо). Сможешь, сможешь. Но не сейчас, а лет примерно через десяток. Если, конечно, будешь тренироваться.

ТРЕНЕР (недовольно). Ну, хватит разговоров. (Боксёру.) Давай продолжим. (Толику.) А ты, мальчик, иди. Иди в спортшколу или куда хочешь.

ТОЛИК (упрямо). А я драться хочу!

БОКСЁР (добродушно). Ну, хорошо, если ты обязательно хочешь со мной драться, то вот — ударь меня по перчаткам и уходи. Можешь считать, что ты меня победил. Я сдаюсь.

Боксёр подставляет Толику перчатку. Толик бьёт. Боксёр отшатывается.

ТРЕНЕР (боксёру.) Ну, довольно цирк устраивать.

БОКСЁР (изумлённо). Какой цирк? У пацана чертовский удар!

ТОЛИК. Это я ещё вполсилы.

БОКСЁР (с интересом). А ну, ударь в полную. (Снова подставляет перчатку. Толик бьёт. Боксёр отлетает назад, но удерживается на ногах.)

БОКСЁР (тренеру). Нет, ты смотри, что делается!

ТРЕНЕР (Толику). Ты у кого тренируешься?

ТОЛИК. Ни у кого. Я сам научился.

ТРЕНЕР. А ты, брат, нахал. Ну, давай посмотрим, чему ты сам научился. (Боксёру шёпотом.). Мальчик — просто клад.

БОКСЁР (тренеру). Это уж точно. Давай проверим.

ТРЕНЕР (боксёру шёпотом). Обязательно. Только ты не вздумай бить в голову или в корпус. Бей по перчаткам. И поосторожнее. Посмотрим, что он умеет. (Делает руками жест, сводя боксёра и Толика.) Бокс!

БОКСЁР (поворачивается к Толику). А ты молодец, пацан! (Тренеру.) Ты посмотри, какой нырок!

ТРЕНЕР (боксёру). Перестань дурака валять!

БОКСЁР. Клянусь, я ничего не валяю!

Бокс продолжается. Боксёр несколько раз издали бьёт по перчаткам Толика, но тот несокрушим. Наконец Толик попадает боксёру в корпус. Боксёр отшатывается и садится — почти падает — на пол.

БОКСЁР (сидя, потирая живот). Ф-ф-фу... Ну и дети пошли...

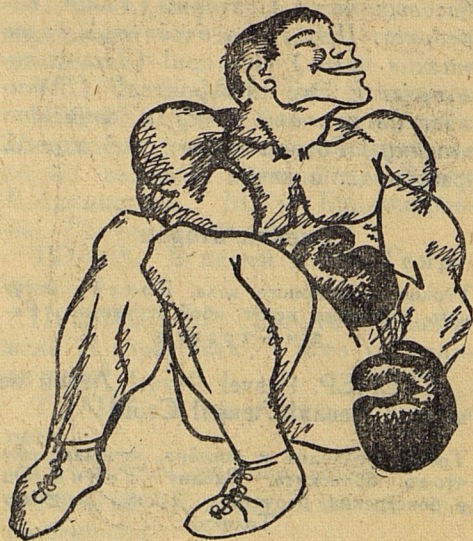
ТРЕНЕР (Толику). Ты чего же бьёшь ниже пояса?

БОКСЁР (постанывая). Уф-ф... Он не виноват... ему выше не достать... (Поднимается на ноги. Тренеру.) Ты знаешь, меня будто лошадь лягнула.

ТРЕНЕР (Толику). Слушай, чудище, ты где так научился?

ТОЛИК. А у нас во дворе. Мы каждый день дерёмся.

ТРЕНЕР. Ну уж больше во дворе ты драться не будешь. Завтра с утра приходи ко мне. А ну, говори — из какой школы?

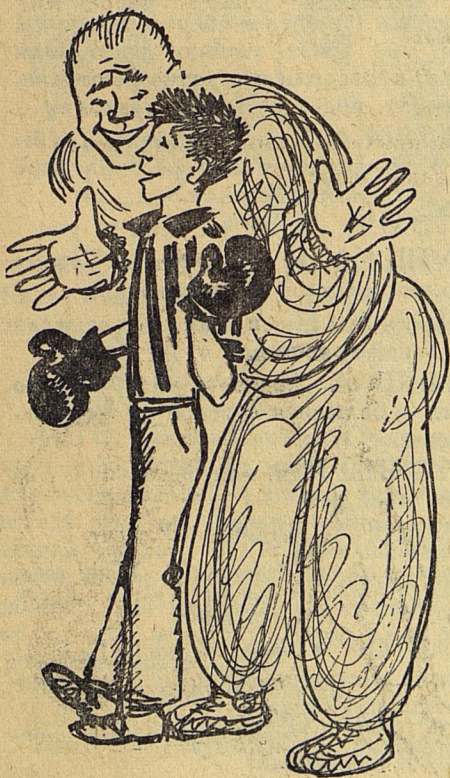
Сценка третья

Небольшая эстрада или помост. На помосте тиражное колесо для розыгрыша лотереи. Возле колеса стоит председатель тиражной комиссии. Он обращается прямо в зал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (торжественно). Товарищи! Мы приступаем к розыгрышу главного выигрыша — автомашины «Волга»! (Приводит колесо в движение.) Внимание, товарищи! Может быть, сейчас в этом колесе возвращается ваша «Волга». Конечно, я ничего не гарантирую. Может быть, счастливец сидит сейчас не здесь. Может быть, он даже дома или в другом городе. Но посмотрим, посмотрим... (Останавливает колесо, вынимает бумажку с номером.) Номер 255742! Есть такой номер?

ТОЛИК (из зала). Есть! Есть! (Подходит к председателю, держа в руке билет.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (сверяя билет). Товарищи, всё правильно! Видите, как просто выиграть «Волгу»

за тридцать копеек (Подталкивает Толика к авансцене.) Сейчас он вам расскажет о себе! Говори, мальчик!

ТОЛИК (в зал). Я очень люблю заниматься спортом и пением. Учусь я только на одни пятёрки...

Эпизод шестой

Тот же парк, что и в первом эпизоде. На скамье сидит Толик. Входит Мишка.

МИШКА. Так я и знал, что ты здесь.

ТОЛИК. Я только что пришёл, ждал, когда ты из школы пойдёшь.

МИШКА. Что же ты ночевать не приходил? Я тебе свистел, свистел в форточку. Бабушка разрешила.

ТОЛИК. А я сразу уснул, прямо на скамейке.

МИШКА. Холодно же!

ТОЛИК. Нет. Мне всю ночь снилось, будто у меня одеяло было и подушка. А проснулся — ничего нет. Я и сам удивился, что не холодно.

МИШКА. А почему ты в школу не пошёл?

ТОЛИК. Да у меня дела были разные. Мишка, ты бы хотел артистом быть?

МИШКА. Конечно, хотел бы. Только туда по способностям принимают.

ТОЛИК. А меня вот приняли.

МИШКА. Знаю.

ТОЛИК. Откуда знаешь?!

МИШКА. Тебя в школе сегодня целый день искали. Сначала пришли из музыкальной школы. Просили, чтобы тебя туда перевели учиться.

ТОЛИК. Опять учиться?! Я ведь уже научился.

МИШКА. Не знаю, они говорили — учиться.

ТОЛИК. А откуда ты узнал?

МИШКА. В учительской сегодня только про тебя и говорили. Мы по очереди подслушивали. Ребятам ведь тоже интересно. Я подслушивал как раз тогда, когда из «Динамо» приходили. Пришёл дядька — здоровый такой! Говорит: «Ваш ученик чемпи-

она города уложил». Майя Владимировна даже испугалась. Спрашивает: «Куда уложил?» А он говорит: «На пол». Она ещё больше испугалась: «Зачем же он это сделал?» А он смеётся: «Такой уж, говорит, у него удар». И стал просить, чтобы тебе разрешили тренироваться в «Динамо».

ТОЛИК. Опять тренироваться!? Я же всех в десять раз сильнее.

МИШКА. Что ты меня спрашиваешь, ты его спроси.

ТОЛИК. А ребята что говорят?

МИШКА. Они к математику собираются идти. Говорят, что тебе ни за что пятёрку поставили. Вчера они не знали, а сегодня подглядели в журнале.

ТОЛИК. А им-то какое дело?

МИШКА. Я их отговаривал, а они на меня набросились. Говорят, что я тебе всегда поддакиваю. В общем, тебе пока лучше в школу не ходить.

ТОЛИК (*возмущённо*). Домой мне не ходить, в школу не ходить! А куда мне ходить? Кому я что плохое сделал? Чего ко мне все пристают?

МИШКА. А кому ты что хорошего сделал?

ТОЛИК. И ты против меня? А ещё друг называется...

МИШКА. Толик, я как раз сегодня думал: может, мы и не друзья вовсе?

ТОЛИК. А кто же мы?

МИШКА. Не знаю.

ТОЛИК. Вот если бы меня на войне ранили, ты бы стал меня спасать?

МИШКА. Конечно, стал бы.

ТОЛИК. Ну и я стал бы.

МИШКА. Так ведь это всё — «бы». Не будут же для нас специально войну устраивать, чтобы проверить.

ТОЛИК. А кто тебе в прошлом году рогатку подарил?

МИШКА. А кто из этой рогатки стекло разбил?

ТОЛИК. Я не виноват, что тебе всегда не везёт.

МИШКА. А почему ты убежал, когда меня поймали?

ТОЛИК. Ты ещё позапрошлогоднее будешь вспоминать.

МИШКА. Ну и буду.

ТОЛИК. Тебе легче было бы, если бы нам двоим попало?

МИШКА. Может и не легче, а вот я бы не убежал.

ТОЛИК. Так ведь это всё — «бы», сам говоришь.

МИШКА. А с пылесосом? Тоже скажешь — позапрошлый год?

ТОЛИК. Я не виноват, что он не чинится.

МИШКА. Потому что не хочешь.

ТОЛИК. Не вр! Я уже два раза хотел.

МИШКА. Когда ты для себя хочешь — всё получается. (*Иронически.*) Ты теперь такой знаменитый стал — чемпионов бьёшь! Скоро народным артистом будешь. Потом, может, на Марс полетишь... А я около тебя вроде собачки буду бегать. Тебе теперь не такой друг нужен, как я.

ТОЛИК. Что ты на меня кричишь? Что я тебе сделал? Мне, может, ещё хуже, чем тебе. Домой идти боюсь, в школу — боюсь... И билет у меня отобрали.

МИШКА. Какой билет?

ТОЛИК. Лотерейный. Я «Волгу» выиграл. Пришёл в сберкассу, думал, они мне сразу машину дадут. Они билет проверили и обратно не отдали. Говорят, пусть родители приходят.

МИШКА. Ну и правильно. Ты бы на этой «Волге» всех передавил. Ещё бы в тюрьму посадили.

ТОЛИК. Ладно, ты меня не учи.

МИШКА. И буду учить. Потому что ты только о себе думаешь.

ТОЛИК. Ну и иди отсюда, если ты такой хороший.

МИШКА. Ладно, я уйду. Только учти — больше я с тобой не разговариваю.

ТОЛИК. Иди, иди, невезучий. Без тебя обойдусь.

МИШКА. Жадина! (*Уходит.*)

Входит автор. Заметив его, Толик вскакивает. Автор усаживает Толика и сам садится рядом.

АВТОР (*сочувственно*). Беда с этими друзьями, верно? Так и нороят правду сказать.

ТОЛИК. Неправда! (*Возмущённо.*) Я не жадный!

АВТОР. Я не об этом. Я — о друзьях. Они должны прощать, помогать, жалеть, выручать, сочувствовать — и вообще знать своё место. Друзья должны быть удобными, иначе — какая от них польза! Какие же они друзья!

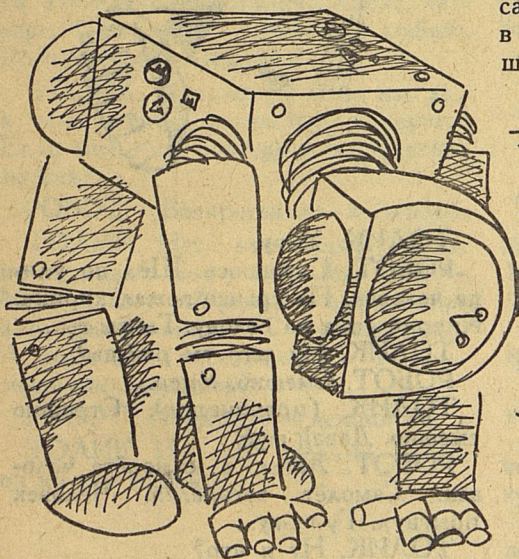
ТОЛИК. А чего он пристал?

АВТОР. Да и мне хотелось бы знать — чего он пристал?

ТОЛИК. Я вас попросить хочу...

АВТОР. Пожалуйста.

ТОЛИК. Сделайте так, чтобы у меня больше никакие желания не появлялись.

АВТОР. Боюсь, не получится. Разве можно жить без желаний! Это так же трудно, как жить без друзей.

ТОЛИК. А у вас есть друг?

АВТОР. Конечно.

ТОЛИК. А какой он?

АВТОР. Великолепный. Очень умный — он всегда со мной соглашается; очень весёлый — когда я шучу, он всегда хохочет; очень чуткий — ему всегда грустно, если у меня неприятности; очень добрый — он всегда выполняет мои желания. Но главное — он во всём меня слушается. Тебе бы хотелось такого друга?

ТОЛИК. Вместо Мишки?

АВТОР. Ну уж разумеется.

ТОЛИК (неуверенно). Хотелось бы...

АВТОР. Ну что ж, тебе стоит только захотеть. (Встаёт.) А я пойду. Дела...

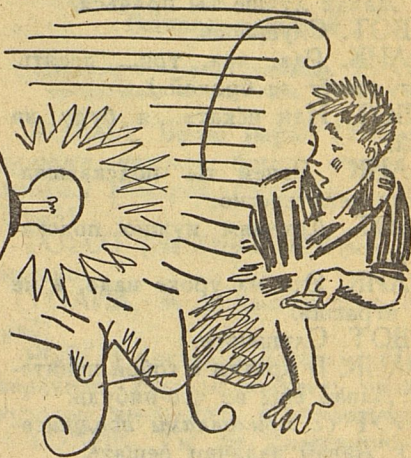
Автор уходит. Толик смотрит ему вслед. Со стороны, противоположной той, куда ушёл автор, появляется Робот. Заслышав его шаги, Толик оборачивается. Пугается.

ТОЛИК. Что вам надо?

РОБОТ. Мне ничего не надо. Что надо тебе?

ТОЛИК. А мне... ничего. Вы — кто?

РОБОТ. Я — друг. Электрический-механический. Выполняю просьбы. Приказы. Распоряжения. Требования. Отсутствие боли. Можно бить. Кусать. Пинать. Царапать. Умею играть в прятки. (Смётся.) Го-го-го. Это шутка.

ТОЛИК. А как вас зовут?

РОБОТ. Меня зовут Робот.

ТОЛИК. А я — Толик. Можно тебя потрогать?

РОБОТ. Трогай, Толик.

Толик подходит к Роботу, тыкает в него пальцем.

РОБОТ (не шевелясь). Ги-ги-ги.

ТОЛИК. Ты что?

РОБОТ. Щекотно.

ТОЛИК. Ты ведь железный, разве ты чувствуешь?

РОБОТ. Это — шутка. Я должен быть всегда весёлым.

ТОЛИК. А что ты умеешь делать?

РОБОТ. Слушаться Толика.

ТОЛИК. А ещё?

РОБОТ. Всё, что ты захочешь.

ТОЛИК. Задачки умеешь решать?
РОБОТ. Очень люблю задачки решать. Давай решать.

ТОЛИК. Потом. Давай сейчас лучше в прятки.

РОБОТ. Слушаюсь.

ТОЛИК. Закрой глаза. Считаю до десяти.

РОБОТ. Очень люблю считать. Можно я буду считать до миллиона?

ТОЛИК. Долго очень.

РОБОТ. Нет, очень быстро. (Начинает считать, сначала медленно, потом счёт убыстряется. Слова сливаются, превращаются в жужжание. Толик прячется за скамьей.) ...миллион. Я иду искать. Ты за скамьей.

ТОЛИК. Ты очень быстро находишь. Давай лучше ты прятаться.

РОБОТ. Слушаюсь.

ТОЛИК. Раз, два, три... десять. (Робот встаёт за будкой.)

РОБОТ. Иди искать, я буду за будкой.

ТОЛИК. Зачем ты подсказываешь, так неинтересно.

РОБОТ. Другим нужно подсказывать.

ТОЛИК. Это на уроке надо, а не когда играешь.

РОБОТ. Слушаюсь.

ТОЛИК. В прятки с тобой неинтересно. Давай ещё во что-нибудь.

РОБОТ (с признаками воодушевления). Давай задачки решать.

ТОЛИК. Отстань ты со своими задачками. Расскажи мне лучше что-нибудь, только посмешнее. У меня плохое настроение.

РОБОТ. Непонятно.

ТОЛИК. Что тебе непонятно?

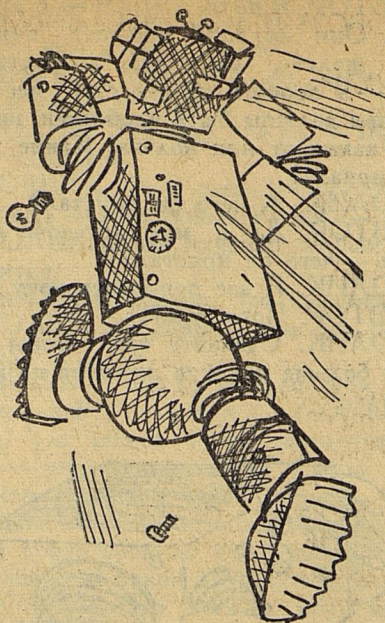
РОБОТ. Настроение.

ТОЛИК. Ну, настроение — это когда, например, тебе чего-то хочется, а чего — и сам не знаешь. Или наоборот — ничего не хочется. Когда скучно, когда дождь идёт, когда неприятности...

РОБОТ. У-у-у... Дождь — плохо. Вода — ржавчина. Понятно. У тебя ржавчина.

ТОЛИК. Вроде этого. Давай рассказывай смешное.

РОБОТ. Ты хочешь смеяться?

ТОЛИК. Хочу.

РОБОТ. Слушаюсь. Шёл по улице человек. На крыше лежал кирпич. Кирпич упал на голову. Гы-гы-гы...

ТОЛИК. Ну чего ты ржёшь?

РОБОТ. Смешно. Умер.

ТОЛИК (иронически). Страшно смешно. Давай ещё.

РОБОТ. Летел в самолёте человек. Самолёт загорелся. Человек прыгнул. Гу-гу-гу...

ТОЛИК. Ну и что?

РОБОТ. Смешно. Парашюта не было.

ТОЛИК. Кто это тебя научил?

РОБОТ. Мы сами придумываем.

ТОЛИК. Кто это — мы?

РОБОТ. Роботы. В выходной день собираемся вместе. Про людей придумываем и задачки решаем.

ТОЛИК. А ещё что делаете?

РОБОТ. В карты играем. На запасные части. Га-га-га...

ТОЛИК. Что тебе опять смешно?

РОБОТ. Один робот две ноги проиграл.

ТОЛИК. Как же он ходит?

РОБОТ. На руках.

ТОЛИК. Да, шуточки у вас... механические. Придумывают про людей всякие глупости. Вы бы лучше про себя придумывали.

РОБОТ. Про себя тоже придумываем.

ТОЛИК. А про себя что?

РОБОТ. Шёл по улице робот. На земле лежал кирпич. Робот споткнулся и упал. Ге-ге-ге...

ТОЛИК. Ясно. Разбился.

РОБОТ. Нет. На человека упал. Задавил.

ТОЛИК. Ничего себе — друг. Почему это, если про человека, так обязательно умер или разбился? Какой же ты друг, если людей не любишь?

РОБОТ. Я люблю человека Толика. Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота — люблю. Воскресенье — выходной.

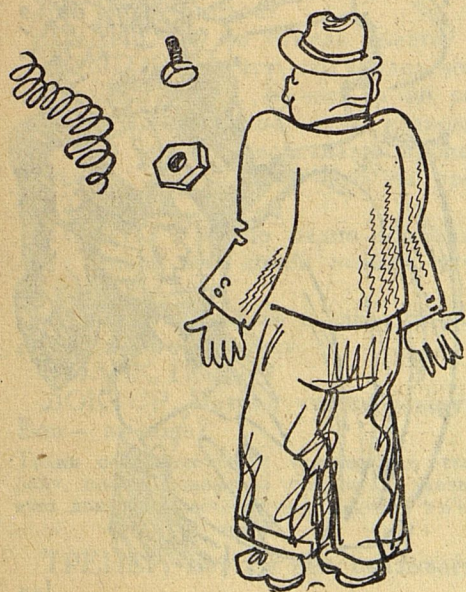
ТОЛИК. А может, у меня как раз в воскресенье несчастье случится! Если мне твоя помощь в воскресенье нужна?

РОБОТ. Воскресенье — выходной.

ТОЛИК. Нет, мне такие друзья не подходят. Вот у меня был друг — Мишка. Ему всё равно — воскресенье или понедельник. (С сожалением.) А мы с ним поссорились... Ты можешь нас помирить?

РОБОТ. Помирить — непонятно.

ТОЛИК. Ну, так сделать, чтобы он ко мне пришёл.

РОБОТ. Мишка — человек?

ТОЛИК. Конечно, человек.

РОБОТ. Могу привести человека. Я очень сильный.

ТОЛИК. Я тоже сильный, а что толку. Тут сила не годится. Нужно, чтобы он сам пришёл.

РОБОТ. Сам пришёл — не могу.

ТОЛИК (грустно). Ну вот. И я не могу. И никто, наверное, не может. (Пауза.) Что же теперь делать?

РОБОТ. Давай задачки решать?

ТОЛИК. Вот я тебе покажу задачки. (Командует.) Шагом марш! (Робот начинает маршировать.) Стой! Направо! Налево! Шагом марш! (Робот выполняет команды.)

Эпизод седьмой

Декорации первого эпизода. Толик продолжает муштровать Робота.

ТОЛИК. Бегом марш! (Робот неуклюже начинает бегать вокруг скамейки.) Быстрее, быстрее! Ещё быстрее!

РОБОТ (на бегу). Быстрее невозможно.

ТОЛИК. А я приказываю быстрее!

РОБОТ (останавливается). Противоречиво. Нельзя отдавать приказы, которые выполнить невозможно.

ТОЛИК. Ты не разговаривай, а делай, что говорят.

РОБОТ (неохотно). Слушаюсь. (Снова начинает бегать.)

ТОЛИК. Ладно, стой. (Робот останавливается. Толик подходит к нему, прикасается ладонью к корпусу.) Ну ты и нагрелся! Жарко?

РОБОТ. Бессмысленная работа вызывает перегрев.

ТОЛИК. Работа ещё тебе бессмысленная! Раз я говорю, значит — смысловая. Как же мне ещё с тобой играть? Смешного ничего не знаешь, в прятки подсказываешь...

РОБОТ. Давай задачи решать...

ТОЛИК. Я уже тебе говорил: неинтересно мне задачи решать. Я сегодня сердитый, у меня настроение плохое. (Приказывает.) Задом наперёд шагом марш! (Робот начинает пятиться.) Передом назад шагом марш!

РОБОТ. Противоречиво. Назад передом марш — невозможно! Приказ не имеет смысла.

ТОЛИК. Что ты о себе воображаешь! Да я, может, в два раза тебя умнее! Ты ведь железный, у тебя ума, наверное, вот сколько! (Показывает Роботу фигу.)

РОБОТ. Понятно. Значит, у тебя ума вот столько. (Показывает две фиги.)

ТОЛИК (удивлённо). Ты что? Ещё дразниться будешь? Проси прощения!

РОБОТ. Противоречиво. Друг не обижается. Друг всё терпит. Другей можно обижать — понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота. Воскресенье — выходной день.

ТОЛИК. Ах так! Шагом марш! (Робот марширует.) Стой! Я новую игру придумал.

РОБОТ (с надеждой). Задачки решать?

ТОЛИК. Никаких задачек тебе не будет, не надейся. Сейчас я буду на тебе кататься.

РОБОТ. Непонятно.

ТОЛИК. Сейчас поймёшь. Становись на колени. (Робот выполняет.) Руками на землю. (Робот выполняет. Толик садится на него верхом.) Поехали! Вперёд!

РОБОТ. Это называется кататься?

ТОЛИК. Называется! Поехали! Но-о-о... (Погоняет Робота.)

РОБОТ. Зачем кататься?

ТОЛИК. Просто так, для удовольствия. Ну, вперёд!

РОБОТ (неохотно двигается вперёд. С угрозой). Давай лучше задачки решать. Кататься бессмысленно. Перегрев.

ТОЛИК. Ничего. Ты ведь железный. Н-но... быстрее, быстрее...

РОБОТ. Перегрев. Перегрев. Перегрев...

Робот выпрямляется, сбрасывает Толика.

ТОЛИК. Ты что, с ума сошёл?

РОБОТ (с возмущением). Сам с ума сошёл! Я — друг, я не лошадь. Перегрев. Возможна авария. Авария!

ТОЛИК. Да не ори ты так — услышат.

РОБОТ (громко). Буду орать. Авария! Авария!

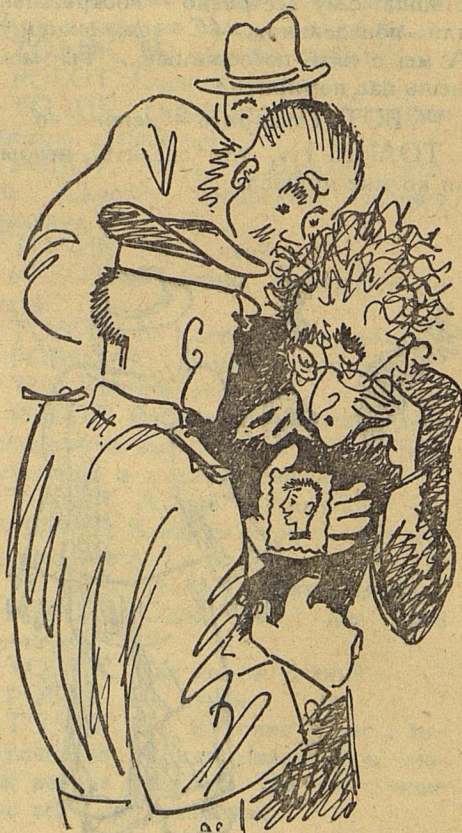
Толик озирается и замечает кого-то, невидимого зрителям. Прячется за скамью. Входит доктор.

ДОКТОР (Роботу). Что случилось, молодой человек? Что вы так волнуетесь?

РОБОТ (подходит к доктору. Говорит взволнованно, как человек, который ищет сочувствия). Друг — шагом марш! Друг — кататься! Бессмысленная работа! Кирпич упал — не смешно! Задачки решать не хочет! Передом назад! Я не лошадь!

ДОКТОР. Минутку, молодой человек. Насколько я понимаю, вас, кажется, обидел ваш друг?

РОБОТ. Передом назад! Задом наперёд! Плохое настроение! Ржавчина!

ДОКТОР (берёт Робота за руку). Молодой человек, да у вас температура. Идите немедленно в мастерскую и ложитесь в ремонт.

РОБОТ. Перегрев! Авария!

ДОКТОР. Никакой аварии нет. Вы просто бредите. Идёмте, я вам помогу. (Берёт Робота под руку.)

РОБОТ (успокаивается). Давай с тобой задачи решать.

ДОКТОР. Вот поправитесь, тогда будете задачи решать и всё, что захотите.

РОБОТ (вырывается). Пустите! (Горестно.) Никто не хочет задачи решать... У-у-у... (Удаляется, завывая.)

Доктор в недоумении разводит руками. Садится на скамью.

ДОКТОР. Надо же довести Робота до такого состояния: железные нервы и то не выдержали. Чья это работа? Не того ли человека, который прячется сейчас за скамейкой? (Не поворачиваясь к Толику.) Ну, вылезай. Так и будешь всю жизнь от меня бегать?

ТОЛИК. А вы на меня не сердитесь?

ДОКТОР. Не сержусь, вылезай. (Толик вылезает из-за скамьи.) Я, видишь ли, детский врач, я и не таких, как ты, видел. Правда, ни один из них не был волшебником. Нелёгкое у тебя занятие. Как ты с ним справляешься?

ТОЛИК. А вы откуда знаете?

ДОКТОР. Кое-что сам увидел, кое-что рассказывали. Бывает, и по радио услышишь что-нибудь интересное. Вот сегодня передавали: пропал мальчик. Зовут Толя. Это ты пропал?

ТОЛИК. Уже по радио объявляли? Теперь мне домой вообще лучше не приходиться.

ДОКТОР. Да тебе и здесь, помо-ему, опасно оставаться.

ТОЛИК. Почему?

ДОКТОР. Потому что тебя ищут. Вон — видишь?

Толик оглядывается и бросается в сторону, противоположную той, куда указывает доктор. Навстречу ему выходит тренер.

ТРЕНЕР. Вот ты где, оказывается!

Толик бежит обратно. Навстречу ему выходит профессор пения.

ПРОФЕССОР. Вот ты, оказываешься, где!

Тренер и профессор одновременно бросаются к Толику.

ТРЕНЕР. Вам что нужно от этого мальчика?

ПРОФЕССОР. А вам что нужно?

ТРЕНЕР. Это мой мальчик! (Берёт Толика за руку.)

ПРОФЕССОР. Нет, это мой мальчик! (Берёт Толика за другую руку.)

ТРЕНЕР. Что значит — ваш?

ПРОФЕССОР. А что значит — ваш?

ТРЕНЕР. Он будет у меня тренироваться. У него великолепный удар. Он станет классным боксёром!

ПРОФЕССОР. Нет, он будет у меня учиться петь!

ТРЕНЕР. Я вам мальчика не отдам!

ПРОФЕССОР. Нет, это я вам не отдам! (Тянут Толика каждый к себе.)

ДОКТОР. Товарищи, товарищи, вы разорвёте ребёнка! Отпустите! (Профессор неохотно отпускает Толика. Доктор — тренеру.) И вы тоже, прошу вас! (Тренер отпускает.) Прежде чем рвать человека на куски, не лучше ли спросить его самого? (Толику.) Ты хочешь заниматься боксом? (Толик отрицательно мотает головой.) А петь хочешь?

(Тот же жест.) Ну вот, всё стало ясно.

ТРЕНЕР. Но он сам ко мне приходил!

ПРОФЕССОР. Нет, он сначала к нам пришёл!

ТРЕНЕР (Толику). Мальчик, помнишь, ты ещё уложил на пол нашего чемпиона?

ТОЛИК. Я нечаянно.

ПРОФЕССОР. Нет, он великолепно пел! (Толику.) Ты помнишь?

ТОЛИК. Я не нарочно.

ТРЕНЕР (наступая на профессора). Я вам просто так этого мальчика не отдам!

ПРОФЕССОР (двигаясь навстречу тренеру). Нет, это я его не отдам!

Входит милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Граждане, что за крик?! Почему шумите?

ПРОФЕССОР (указывает на тренера). Этот человек хочет переменить ученика из нашей музыкальной школы в свою!

ТРЕНЕР. Ерунда! Это мой ученик!

МИЛИЦИОНЕР. Какой ученик, говорите яснее!

ДОКТОР (подходит к милиционеру). Видите ли, они спорят из-за мальчика. Но дело в том, что мальчик не хочет заниматься ни с тем, ни с другим. По-моему, это его право, как вы думаете?

МИЛИЦИОНЕР. Думать будем после, гражданин. (Вглядывается в доктора.) А вы мне как будто знакомы?

ДОКТОР. Да... мы встречались...

МИЛИЦИОНЕР. Бывает... Всех не упомнишь. Так что за мальчик? (Указывает на Толика.) Этот?

ДОКТОР. Он самый.

МИЛИЦИОНЕР (рассматривает Толика). Минуточку... (Достаёт записную книжку, смотрит.) Этот мальчик пойдёт со мной.

ДОКТОР. За что же?

МИЛИЦИОНЕР. За то, что у нас есть заявление о его розыске. Он из дома сбежал. Вот какой это мальчик...

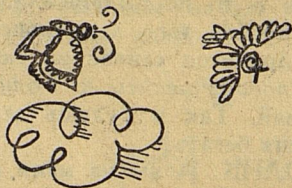
ТРЕНЕР. ПРОФЕССОР. (вместе). Не может быть!

МИЛИЦИОНЕР. Как это не может! Вот у меня его фотография. Глядите! (Пока тренер и профессор вместе с милиционером разглядывают фотографию, доктор шепчет Толику что-то на ухо. Толик потихоньку отходит и убегает.) А вы говорите — мальчик?

ПРОФЕССОР. Ну, ладно, вы его отведёте домой, а потом он придёт ко мне.

ТРЕНЕР. Нет, потом он придёт ко мне.

МИЛИЦИОНЕР. Там разберёмся... (тренеру) к вам придёт... (профессору) к вам придёт... Ко всем придёт. (Протягивает руку.) Идём со мной, мальчик... (Замечает, что Толика нет. Доктору.) А где же мальчик?

ДОКТОР (озираясь). Действительно, где же мальчик?

МИЛИЦИОНЕР. Граждане, далеко он не ушёл. (Тренеру.) Вы — туда, (профессору) вы — туда! (Доктору.) А вы...

ДОКТОР. А я останусь здесь. Вдруг он вернётся.

МИЛИЦИОНЕР. Хорошо. Стойте здесь. Вперёд, граждане!

Милиционер, тренер и профессор уходят. Доктор, выждав паузу, свистит. С обречённым видом входит Толик.

ДОКТОР. Ну, а что мы теперь будем делать?

ТОЛИК. Не знаю.

ДОКТОР. Честно говоря, я тебе нарочно посоветовал удрать — беспокоился за твоих новых знакомых. Думаю: пожелаешь ты сейчас — и улетят они куда-нибудь под облака. С тобой дело иметь опасно.

ТОЛИК. Я об этом даже и не думал. Всё равно мне от этого легче не станет. Я лучше уйду.

ДОКТОР. Но ведь нельзя всю жизнь от всех убегать. Знаешь что, волшебство волшебством, а давай мы с тобой попробуем поступать, как нормальные люди. Пойду я сейчас к тебе домой, поговорю с твоей мамой.

ТОЛИК. Мама меня ругать не будет. А вот папа...

ДОКТОР. Я и с папой поговорю.

ТОЛИК. Он не поверит.

ДОКТОР. Это возможно. Мужчины чудесам верят неохотно.

ТОЛИК. А даже если поверит... В школу мне всё равно идти нельзя.

ДОКТОР. Почему?

ТОЛИК. Учительница мне одни пятерки ставит.

ДОКТОР. Ты и там чудес наде-
лал!

ТОЛИК. Это ещё что! Я «Волгу» выиграл по лотерее... Они же всё помнят...

ДОКТОР. Послушай, а не можешь ли ты пожелать, чтобы всё как-то встало на свои места? Чтобы всё было как раньше? Чтобы всё сначала? Разве тебе этого не хочется?

ТОЛИК (уныло). Конечно, хо-
чется.

ДОКТОР. Так в чём же дело?
За сценой слышится шум. Голоса: «Вижу!», «Где?» «Вот он!» «Скорее!» Звучит милли-
цейский свисток.

ДОКТОР. Они опять идут! Ну! Скорей!

Толик сосредоточенно «думает», закрыв руками уши. Звучит музыкальная фраза «желания». На сцене гаснет свет. Всё стихает. Свет зажигается. Мы видим ав-
тора и Толика.

АВТОР (Толику). Толик, по-
стой! (Толик останавливается.) По-
дойди ко мне.

ТОЛИК (настороженно). А за-
чем?

АВТОР. Да ты не бойся. Уж я-то тебе плохого не сделаю.

ТОЛИК. А я и не боюсь. (Под-
ходит к автору.) Я вас не знаю.

АВТОР. Это и не обязательно. Зато я знаю, что идёшь ты в булоч-
ную и что у Мишки сломался пыле-
сос.

ТОЛИК. Ну и что особенного. Вы подслушивали.

АВТОР. Случайно. Чисто слу-
чайно. Кроме того, это было совер-
шенно необходимо. Иначе я не смог
бы вам помочь.

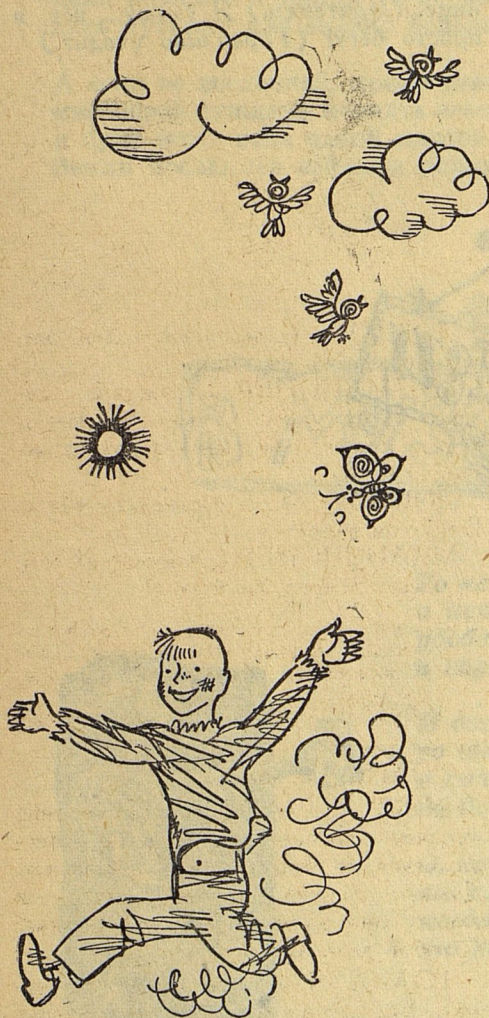
ТОЛИК. А вы — пылесосный ма-
стер?

АВТОР. Нет, но кое-что я тоже
могу... Ты мне скажи — хочешь по-
мочь Мишке?

ТОЛИК. Конечно, хочу.

АВТОР. Хорошо. С этого момен-
та будет исполняться любое твоё же-
лание. Или — нет, не любое, а толь-
ко то, что тебе хочется по-настоя-
щему. Ты понял меня? Очень, очень
сильно хочется.

ТОЛИК (скептически). Понял.
Вы из цирка? Вы — фокусник?

АВТОР. Даю слово, я не из цирка. А фокусник ли?.. Ну что ж, что-то такое во мне есть... Помни — то, что очень сильно хочется.. (Уходит, становится на прежнее место.)

ТОЛИК (он как бы продолжает беседу с автором). А мне, может, слона хочется. (Пародируя автора.) Очень, очень сильно, по-настоящему хочу слона. Где же мой слон? Нету! Чего же мне ещё хочется?

Задумывается. Гаснет свет. Занавес. Автор выходит на авансцену.

АВТОР. (грустно). Вот и вышло всё не так, как хотелось. Я задумал историю о том, как человек выручает из беды друга. А всё кончилось иначе. И даже не кончилось... Сейчас он снова попросит шоколад... потом

придёт доктор... и всё начнётся сначала, всё повторится... и завтра, и послезавтра произойдёт то, что было вчера и сегодня... и будут мои герои ходить по кругу. И я ничего уже не смогу с этим поделать. (Смотрит на часы.) Через минуту доктора заберут в милицию. Извините, я должен идти с ним.

Идёт к выходу со сцены. На авансцену с криком выбегает Мишка.

МИШКА. Толик! Толик, у меня пылесос починился! Сам починился! Ты где, Толик?! (Убегает.)

АВТОР (с радостным изумлением). Подождите, это что-то совсем другое! Что там случилось?! Я же говорил: никогда не знаешь заранее, что произойдёт на следующей странице. (Зрителям.) Я ухожу... нет, я просто бегу! (Торопливо уходит.)

МЕТА

В столетия уложатся года,
и если каплей стану я однажды —
одной заботой буду жить тогда:
искать того, кто мучается жаждой.

А если деревцом в родном саду
ветвиться стану я, не зная лени,
цель жизни я в одном тогда найду:
дать путнику как можно больше тени.

А если во вселенной, может статься,
мне новой суждено мерцать звездой —
я буду жить века одной мечтой:
Земли посланцев всё-таки дожждаться!

В музее

*То не был ни топор, ни молоток,
а нечто среднее. Нашёл когда-то
удобный камень предок наш косматый
и обработал для себя, как мог.*

*И вот теперь который день подряд
то школьник, то дехканин именитый
с почтеньем любознательно глядят
на достижение палеолита.*

*О, как он бился б, этот человек,
всё совершенней мастерством владея,
когда бы ведал, что двадцатый век
его работу выставит в музее!*

Перевел с туркменского
Игорь МИХАЙЛОВ

По следу пропавших шедевров

Каменистая неровная дорога петляла между холмами. Идти по ней было трудно. Но художника это не огорчало. Он нарочно ушёл подальше от автострады. Ему смертельно надоели расплавленный от жары асфальт римских улиц, шум и духота огромного города.

А здесь глаза отдыхали, глядя на густую зелень виноградников и лугов, на яркую синеву неба, на людей, занятых важными и понятными делами. Вот женщина погоняет мула хворостиной. Двое мальчишек несут воду из ручья. Старик пасёт корову. Интересный старик. Лицо тёмное, а волосы — как снег. Сухая спина. Узловатые, ещё сильные руки. Написать бы его, и вся нелёгкая жизнь итальянского крестьянина встанет перед глазами каждого. Вот так и написать — рядом с пятнистой коровой, на лугу, в этих серых штанах с яркой красной заплатой. Заплата... Что это?

Художник остановился в недоумении. Потом быстро подошёл к старику.

— Добрый день, синьор!

— Что ты говоришь?

— Я говорю, добрый день, синьор!

— Здравствуй. Я не знаю тебя. Ты откуда?

*«Отдайте мне
вашу заплату!»*

— Я художник из Рима. Простите, синьор, но откуда у вас это?

— Это? Ты думаешь, я помню? Я ношу их много лет...

«Странные попадают люди, — подумал старик. — Вот спрашивает, откуда у меня штаны. Лучше бы спросил, не нужны ли мне деньги, чтобы купить новые...»

— Нет, не штаны, а эта заплата.

Старик пожал плечами:

— Если тебе так интересно, с чердака. Крепкое полотно, надолго хватит.

— У вас только один такой кусок или ещё есть? — взволновался вдруг художник.

— О, там, на чердаке, осталось ещё на много заплат. Что, хочешь себе поставить такую?

«Странные живут люди на свете. Далась ему эта заплата, словно ничего нет важнее вокруг!»

— Послушайте, синьор... синьор...

— Меня зовут Антонио Бонсиньоре, — важно сказал старик.

— Синьор Бонсиньоре, я вас очень прошу, отдайте мне этот холст. И штаны тоже.

Старик не на шутку рассердился:

— Ты, наверно, потерял разум или смеёшься надо мной. Отдать штаны! Вон

что выдумал! А в чём я буду ходить, по-твоему?

— Я приду завтра, — сказал художник, повернулся и быстро зашагал по дороге. Теперь он не смотрел по сторонам. Он торопился на ближайший поезд.

Старик посмотрел ему вслед, покачал головой и принялся раскуривать трубку. А когда пришло время возвращаться домой, Антонио Бонсиньоре начисто забыл о чудном человеке из Рима, словно тот ему приснился на голодный желудок.

Но утром следующего дня, когда старик только выгнал корову на луг, его встретил тот же незнакомец. Он ещё не успел отдышаться после быстрой ходьбы и без лишних слов протянул старику большой свёрток.

Антонио недоверчиво взял пакет, развернул бумагу. В пакете лежали новенькие штаны. Да такие, что в них не отказался бы пощеголять любой парень в деревне. Старик ощупал добротную ткань и удивлённо спросил:

— Это — мне?!

— Вам. А взамен отдайте ваши...

В тот вечер в селении долго расспрашивали старика об удивитель-

ном человеке из Рима. Бонсиньоре только разводил руками:

— Семьдесят лет живу на свете, видел много. Но впервые встретил чудака, который меняет новые штаны на старые. Эх, жаль, не спросил, может, ему нужна и куртка. Она у меня совсем прохудилась...

А художник Джужфре тем временем примчался в Рим и показал друзьям свою странную добычу. Через несколько дней о заплате на штанах Антонио Бонсиньоре узнали миллионы читателей итальянских газет. Оказалось, что на чердак старого, полунищего крестьянина каким-то загадочным образом попала картина известного всему миру живописца семнадцатого века Сальваторе Роза. Его произведения украшают крупнейшие музеи Рима, Флоренции, Парижа, Москвы, Ленинграда...

Если бы Антонио знал об этом, если бы не искромсал холст ножницами, то мог бы купить целый магазин штанов. Но теперь специалисты не знали, радоваться им или горевать. Находка картины — редчайшая, огромная удача. Но сумеют ли реставраторы восстановить хотя бы часть произведения знаменитого мастера?

А теперь я расскажу вам об истории другой находки. Эта история закончилась тоже сравнительно недавно.

...В тот день над Ленинградом опять были моторы фашистских самолётов, ухали взрывы бомб, сотрясались стены домов. Наконец выстрелы зениток и атаки наших истребителей отогнали врага. Город затах. Лишь ревели сирены пожарных машин, мчавшихся туда, где поднимались в небо зловещие столбы дыма. Ещё несколько ленинградских домов превратились в развалины. Сколько людей, осталось без крова, сколько новых убийств совершили палачи!..

Сквозь блокаду

Павел Егорович вышел за проходную завода. Последнее время он ночевал прямо в цехе, как и большинство его то-

варишей. Не было сил ходить домой. Да и незачем. Он ещё не сроднился с этой пустой холодной комнатой на улице Маяковского. Раньше у него был другой дом, каждая вещь в квартире была знакома и дорога. От всего этого осталась только груда закоптелых кирпичей после такого же налета фашистских коршунов.

На новую квартиру Павел Егорович ходил редко — посмотреть, целали, не нужно ли подыскивать другой угол. Никого из родных в Ле-

нинграде не осталось. Все шестеро братьев ушли на фронт. А жена и дочь... Это была самая страшная боль, которая не унималась ни на минуту.

В самом начале лета 1941 года Анна Мартыновна взяла трехлетнюю Галю и поехала в Белоруссию, к родственникам. Павел Егорович тоже собирался приехать к ним, ждал отпуска. Но началась война. Жена и дочь остались там, за огненным валом фронта, и ничего о них не известно...

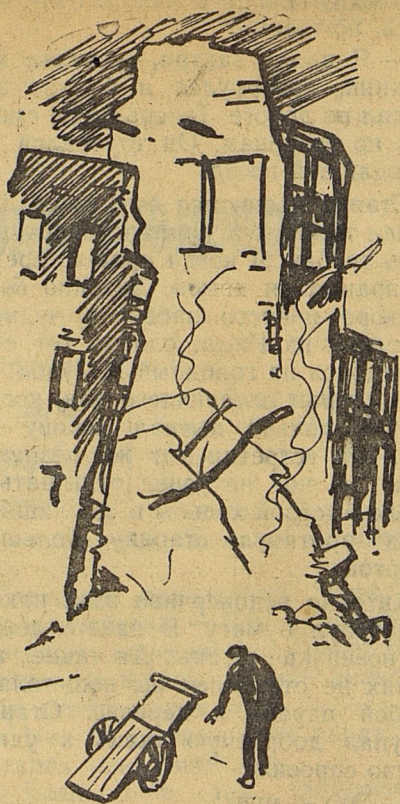
Павел Егорович дошагал до своего угла. Дом был цел. Только вылетели все до одного стекла. Бомба упала рядом, разворотила соседнее здание. Пожарники и санитары, видно, успели тут побывать, кого ещё можно было спасти — увезли в госпиталь.

Не заходя в квартиру, Павел Егорович взял во дворе свою ручную тележку и покатил её к развалинам. Окна всё-таки надо чем-то закрыть.

Ему повезло. На пожарище нашлись два больших куска почти не обгоревшей фанеры. Павел Егорович положил их на тележку и хотел уходить, как вдруг заметил, что из-под обломков торчит бронзовая женская головка. Павел Егорович с трудом отвернул в сторону кирпичи и железные прутья арматуры. Теперь скульптура была освобождена.

Маленькая женщина величественно и спокойно смотрела на Павла Егоровича, словно хотела сказать ему что-то очень важное. Она была одета в свободное платье, падающее к ногам плавными складками и высоко подхваченное широким поясом. Правая рука опиралась на раскрытую книгу, а левая была чуть протянута вперёд. Пальцы на этой руке были обломаны, и женщина, как показалось Павлу Егоровичу, в недоумении спрашивала: кто посмел совершить такое преступление? Наверно, она ничего ещё не знала о фашистах...

Павел Егорович нагнулся, поднял скульптуру. И тут же опустил ее, еле устояв на ногах. Небольшая, а какая тяжёлая! Раньше бы он

легко вскинул её и понёс одной рукой. Голод отнял все силы. В глазах поплыли оранжевые круги, голова закружилась.

«Нет, не донесу», — подумал Павел Егорович. Он поставил бронзовую женщину повыше, взялся за тележку, напоследок оглянулся. Бронзовая женщина стояла посреди развалин и показалась такой беззащитной, что Павел Егорович бросил тележку и опять пошёл к скульптуре.

У парадной Павла Егоровича встретил сосед. Удивился:

— Где ты это раздобыл?

— Чего спрашиваешь, помоги лучше, — сердито ответил Павел Егорович.

Хорошо, что квартира была на первом этаже. Иначе пришлось бы ещё кого-нибудь звать на подмогу. Вдвоём они внесли скульптуру в комнату, осторожно поставили на подоконник.

Утром Павел Егорович шёл на завод и испытывал странное чувство: его комната теперь уже не казалась такой пустой. Но в цехе он сразу забыл о скульптуре.

— Егоров, — окликнул мастер, — тебе письмо.

Павел Егорович взволнованно взял сероватый треугольный конверт. Наверное, кто-нибудь из братьев откликнулся! Он развернул письмо и не поверил глазам: оно было написано рукой жены.

«Дорогой Паша, родной мой! Пишу тебе и не знаю, получишь ли ты письмо. Пришли верные люди в нашу деревню, обещали пере-

дать... А как мы тут живём, каких мук натерпелись от фашистов проклятых, всего и не скажешь. И слов, наверно, таких нет. Одно скажу: пока живы. Галочка очень выросла, но такая худая, такая бледная, что сердце кровью обливается. Если удастся, напишу еще... Твоя Аня».

Много удивительных историй произошло с нашими людьми на войне. Но эта... Вы только подумайте: в деревню, где кишат эсэсовские головорезы, пробрался партизанский разведчик. У него важное задание, которое нужно выполнить как можно скорее. Каждую секунду он рискует погибнуть или попасть в плен, под нечеловеческие пытки и издевательства. И всё-таки он берёт с собой это письмо, которое могло его погубить в случае обыска. А потом маленький конвертик передавали из рук в руки, оно кочевало по тылам гитлеровских армий, пересекало линию фронта и попало в город, стиснутый кольцом блокады. Какими же тёплыми, отзывчивыми, родными были руки и сердца людей, которые несли эту весть!

Теми же неведомыми путями к Павлу Егоровичу пришли ещё два письма от жены. А когда наши войска освободили Белоруссию, когда гитлеровская Германия была разбита, Анна Мартыновна и Галя приехали в Ленинград. Павел Егорович, испытавший все невзгоды девятистот блокадных дней, чуть не заплакал от боли, когда увидел жену, — так изломала её фашистская неволя. А в глубине Галиных глаз всё ещё таился страх, она вздрагивала от неожиданного стука, от резкого голоса.

Но всё это теперь было позади. Надо сызнова строить жизнь. Анна Мартыновна обвела глазами комнату. В ней стояла только ободранная железная кровать да табуретка. А Галя сразу подошла к окну, улыбнулась бронзовой женщине:

— Какая красивая! Она теперь с нами будет жить, да, папа?

Несколько лет стояла спасённая скульптура в комнате Егоровых, потом, когда Галя выросла, она однажды сказала отцу:

— Папа, это, наверное, очень ценная скульптура. А мы её у себя держим. Надо в музей сообщить.

— Верно, дочка. Я и сам об этом думал, да уж очень она тебе нравилась.

— Она мне и сейчас нравится, даже больше, чем раньше. Но другим она понравится тоже.

Теперь бронзовая женщина стоит в Русском музее. Научные сотрудники крепко пожали руку Павлу Егоровичу и горячо его поблагодарили за то, что он нашёл и сохранил эту замечательную скульптуру. Специалисты определили, что автор этого произведения — Фальконе. Все ленинградцы и гости города на Неве знают и любят известный всему миру памятник Петру — Медный всадник. Это величайшее творение скульптора. В Эрмитаже и Русском музее давно хранятся работы Фальконе. Теперь к ним прибавилась новая.

Время от времени Павел Егорович Егоров заходит в музей узнать,

как поживает его находка. И научные сотрудники всякий раз встречают его как друга.

ИСТОРИИ этих двух удивительных находок во многом похожи. Обе произошли случайно. Итальянский крестьянин и ленинградский рабочий не были знатоками искусства и совершенно не представляли, что к ним в руки попала огромная ценность. Но какая разница между ними! Антонио Бонсиньоре и в голову не пришло спросить у знающих людей, что делать

со старым холстом, покрытым краской. Он, не долго думая, пустил картину на собственные нужды.

А Павел Егорович Егоров в суровую военную пору выручил скульптуру из беды, сберёг в целости и передал музею, всем любителям искусства. И вот это совсем не случайно. Потому что советские люди привыкли думать не только о себе. Потому что они — хозяева на своей земле. Потому что они — друзья, товарищи и братья.

Не раз в истории искусства бывали случаи, когда известная, популярная картина или скульптура вдруг исчезала с горизонта. Владелец вещи её увозил, продавал или дарил, потом она попадала в третьи руки и след её терялся. Как быть в таких случаях музею? Вешать на каждом столбе объявления? Спрашивать всех встречных и поперечных? Вызывать собаку-ищейку?

Конечно, нет! На помощь может прийти только изучение, знание. И ещё — неутомимость, настойчивость, упорство.

Павел Михайлович Третьяков очень любил художника Неврева. Он решил во что бы то ни стало собрать в своей галерее как можно больше его произведений. Николай Васильевич Неврев был другом знаменитого коллекционера, часто бывал в доме Третьяковых в Лаврушинском переулке и помог Павлу Михайловичу выяснить, где находятся его полотна, когда-то проданные любителям живописи.

Постепенно, шаг за шагом, Третьяков «подбирал ключи» к хозяевам этих картин. Холсты Неврева один за другим перекочёвывали в Третьяковскую галерею.

Правда, не всё шло гладко. Павел Михайлович никак не мог на-

*Кто ищет,
тот всегда найдёт*

пасть на след нашу-мевшей в свое время картины «Торг». А нашумела она потому, что смело и гнев-

но клеймила помещиков-крепостников, их дикие нравы.

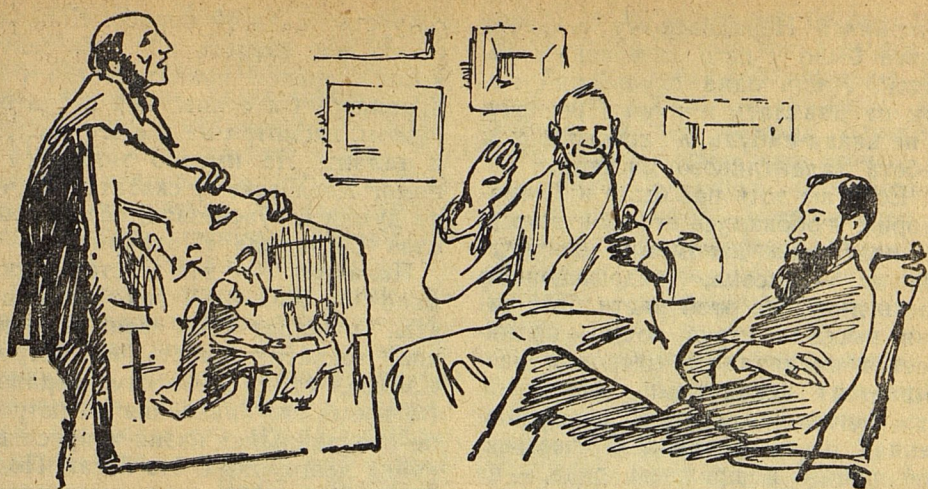
На полотне была изображена омерзительная сцена. Сидят два барина и взапуски торгуются. Один хочет продать свой товар подороже, другой не уступает, стремится купить подешевле. А «товар» стоит рядом: миловидная девушка покорно и горестно ждёт решения своей участи. Покупатель, заплывший жиром плешивый толстяк, выбросил на стол несколько монет, а левой рукой уже крепко вцепился в плечо девушки и победоносно смотрит на владельца крепостной.

Возле этой картины не было равнодушных зрителей. Одни её горячо приветствовали, другие исходили злобой.

Царское правительство не пустило картину Неврева на международную художественную выставку в Вене. Крепостники боялись суда передовых людей, страшились возмущения народа.

И вот такое боевое произведение исчезло.

Третьяков не отступал. Неторопливо, спокойно действовал он в своих поисках, словно вел облаву на хитрую лисицу. Круг постепенно

сужался. И вот наконец Павел Михайлович узнал: владелец картины — богатый московский помещик. Третьяков поехал к нему. Помещик принял гостя с почётом: ведь этот любитель искусства распоряжался огромными суммами денег. А перед деньгами в царской России настежь распахивались все двери.

Хозяин показал Павлу Михайловичу свою коллекцию картин. Но «Торга» среди них не было. Третьяков похвалил коллекцию и как бы между прочим спросил:

— Я слышал, что у вас имеется одна картина Неврева. Хотелось бы посмотреть.

Хозяин замаялся:

— Да, была такая картина. Вернее, и сейчас есть, но...

— Вот и отлично, — сказал Третьяков. — Где же она?

Хозяин нехотя велел слуге принести картину. Ждать пришлось долго. Наконец запыхавшийся слуга внес в гостиную холст. Но в каком жутком состоянии он был! Запылённый, покрытый паутиной, прорванный в нескольких местах... Оказалось, что помещик рассердился на картину и приказал забросить её на чердак. Видно, он и сам недалеко ушёл от героев произведения Неврева, был таким же крепостником.

Третьякова душил гнев. Но он подавил его, чтобы не испортить дела, и спокойно вымолвил:

— Я вижу, вам не нужна эта вещь. Не продадите ли вы её мне?

— Только из уважения к вам, — ответил помещик. — А вообще это вредное произведение следовало бы уничтожить.

Третьяков привёз картину домой и поручил умелому реставратору восстановить её. А потом повесил на почетное место в галерее.

Павел Михайлович Третьяков вернул к жизни много забытых картин русских художников. Такой же удивительной способностью разыскивать великолепные произведения искусства отличался Игорь Эммануилович Грабарь, который несколько лет возглавлял Третьяковскую галерею. Богатый опыт «следопыта» был и у хранителя Русского музея Петра Ивановича Нерадовского. Петр Иванович и сотрудников подбирал таких же увлечённых, неутомимых, великолепно знающих искусство и историю нашей Родины, творчество её художников.

В Русском музее почти полвека работает Григорий Макарович Преснов, большой специалист по скульптуре. Работать в музее он начал ещё совсем молодым и сразу же

полюбился Нерадовскому тем, что много было у него интересных находок. Лишь одна скульптура никак не давалась в руки Преснову. И не какая-нибудь, а первоклассная работа талантливого мастера.

Если вы хоть раз были в Петродворце, любовались его фонтанами, то наверняка запомнили могучую фигуру Самсона, разрывающего пасть льву. Из этой пасти бьёт самая высокая струя воды — поднимается на двадцать метров и рассыпается искристыми брызгами. Эта фонтанная группа, восстановленная после Великой Отечественной войны в прежнем виде, — не просто главное украшение Большого каскада. Она символизирует победу петровской России над шведами, говорит о необъятной силе нашего народа.

Бронзового «Самсона» создал скульптор Михаил Иванович Козловский. Другое всем известное произведение Козловского стоит возле Марсова поля в Ленинграде. Это памятник генералиссимусу Суворову. Скульптор изобразил великого полководца в виде бога войны — Марса.

Обе эти скульптуры пользуются широкой известностью. Но их славе не уступала популярность ещё одного произведения ваятеля — его «Поликрата». В Русском музее сохранилась гипсовая модель скульптуры. Даже она приводила в восторг знатоков искусства. Но Преснов твёрдо знал: где-то есть и бронзовый оригинал, отличного качества, с подписью автора.

Козловский создал «Поликрата» в Париже, в 1790 году, как раз в то время, когда во Франции разразилась революционная буря. Восставший народ взял приступом и сровнял с землёй ненавистную королевскую тюрьму — Бастилию.

Козловский не мог остаться безучастным свидетелем этих великих событий. Он вышел из простой трудовой семьи, был сыном «галёрного флота трубачёвского мастера». Русский скульптор всем сердцем понимал справедливость борьбы французского народа за свои права и

сочувствовал этой борьбе. Конечно, он не мог сказать об этом вслух. Тогда царское правительство расправилось бы с ним, как с бунтовщиком, несмотря на все его заслуги и талант. Но именно талант-то и помог Козловскому сказать всё, что он думал и чувствовал, без помощи слов. Он создал «Поликрата».

Поликрат — это историческое лицо. Он жил в VI веке до нашей эры. Поликрат убил своих соперников, захватил власть на острове Самосе, стал жестоким тираном. Во время его правления на острове не прекращались казни и преследования непокорных. Но и сам Поликрат умер, как того заслуживал. Однажды враги заманили его в ловушку и распяли на дереве.

Мучительную смерть тирана и изобразил Козловский. А на стволе дерева, к которому прикован кровожадный властитель, поставил многозначительную надпись: «Никто не может считать себя счастливым, пока жив». Многие современники скульптора правильно поняли эту фразу. Она относилась не только к Поликрату, не только к французскому королю, но и ко всем тиранам человечества. В том числе и к русским царям и царицам.

Вот почему Григорий Макарович Преснов старался отыскать эту скульптуру. До Октябрьской революции она была на виду, фотографии «Поликрата» публиковали журналы, о ней писали искусствоведы в своих трудах. А потом скульптура как сквозь землю провалилась!

Последним владельцем «Поликрата» был князь Всеволожский. После того как советская власть победила, князь бежал за границу. Может быть, он увёз скульптуру с собой? Вряд ли. Скорее всего где-нибудь припрятал. Где уж там было возиться с тяжёлой, громоздкой вещью, когда революция наступала на пятки!

Преснов сел в пригородный поезд и поехал в бывшее имение Всеволожских — Рябово. Он решил тщательно обследовать княжескую усадьбу.

Григория Макаровича ждало разочарование: хоромы Всеволожских не уцелели. Правда, сохранились кое-какие хозяйственные постройки, но в них ничего не было.

Преснов стал расспрашивать рябовских старожилов, не находили ли они скульптуру. В ответ старожилы только пожимали плечами:

— Нет. Знать о ней не знаем...

Пришлось уехать с пустыми руками, а затем поиски прервала война. Но как только Русский музей вернулся к мирной жизни, Григорий Макарович снова поехал в Рябово. Все эти годы его мучила мысль: а вдруг тогда он плохо посмотрел?

Вдруг упустил какого-нибудь местного жителя, который знает, где скульптура?

Волнения оказались напрасными. Не было в Рябове «Поликрата»...

Может быть, другой человек махнул бы рукой

и отказался от мечты найти эту пропажу. В конце концов работы в музее столько, что еле-еле успеваешь. И новых приобретений за последние годы очень много. Да каких приобретений!

Недавно, например, Русский музей получил настоящую жемчужину искусства — великолепную работу Шубина: портрет любимца Екатерины Второй графа Григория Орлова. Великий русский скульптор создал несколько бюстов этого вельможи и его сановитых братьев. В каждом из них ярко блещет огромный талант мастера. Но бюст, которым недавно обогатился Русский музей, даже среди них выделяется, как звезда первой величины.

У этой скульптуры — своя любопытная история...

Петроград 1917 года. В старом фамильном особняке Орловых темно и тихо. Почти вся прислуга разбежалась. Лишь в кабинете графа за плотными шторами горит свет.

Здесь царит страшный беспорядок. Ящики письменного стола выдвинуты, бумаги в них разворошены. На полу два роскошных кожаных чемодана. В них кое-как брошены вещи. Граф бледен, взволнован, но старается сохранить спокойствие. Он говорит своему камердинеру:

— Вот что, милейший. Мне нужно уехать... ненадолго... Так я прошу тебя хорошенько присмотреть за домом...

— Не извольте беспокоиться...

— Я на тебя надеюсь. Ты не бросил дом, как эти скоты, и я тебя награжу... когда вернусь...

— Премного благодарен вашей милости.

— Самые ценные вещи я прошу тебя спрятать. А особо храни вот эту скульптуру...

Граф посмотрел на бюст своего надменного предка и тяжело вздохнул. Могло ли прийти в голову Григорию Орлову, что его правнук вынужден будет бежать из собственного дворца куда глаза глядят!

Граф скрылся. В его особняк вскоре вселили несколько семей рабочих, красных командиров, инженеров, преданных советской власти. Первое время камердинер держался с ними враждебно. Молча, поджав губы, проходил мимо незваных жильцов. А потом увидел, что они — люди как люди: ничего ломать не собираются, ведут себя спокойно.

Дни шли за днями, а граф Орлов не возвращался. И было непохоже, что он когда-нибудь вернется и что в России снова будет государь император.

Берёг, берёг камердинер графское добро, пока не надоело. Пришёл к своим новым соседям и говорит:

— Господа, то есть граждане, не хотите ли купить у меня некоторые красивые вещи?

Так и перешёл бюст Григория Орлова к новым владельцам. Прошли годы, долгие годы. Никто из искусствоведов даже не подозревал о существовании этой скульптуры. И вот

она наконец в руках работников музея.

Григорий Макарович Преснов чувствовал себя счастливым. Ещё бы! Такое сокровище получил советский народ! И тут же родилась мысль: а не доверил ли и князь Всеволожский кому-нибудь «Поликрата»? Наверное, тоже надеялся вскоре вернуться вслед за казачьими сотнями и белогвардейскими полками?

Преснов с новой энергией принялся за поиски. Теперь он разыскивал людей, с которыми так или иначе соприкасался князь и которые могли хранить тайну исчезновения знаменитой скульптуры.

«На ловца и зверь бежит», — говорит русская пословица. Однажды в музей позвонила женщина:

— У меня находится старинная скульптура, бронзовая. Не заинтересует ли она вас?

— А что изображает скульптура? — спросил Преснов.

— Ну, как вам сказать... человек мучается. Может, это Прометей — не знаю точно... Да, на ней ещё надпись есть — кажется, Козловский.

— Адрес! Говорите адрес! — взмолился Григорий Макарович.

Он спешил, словно врач на помощь тяжелобольному. Прохожие удивлённо оглядывались на пожилого, седобородого человека, который почти бежал по улице. Преснов ничего не замечал вокруг и не чувствовал усталости — так велико было желание скорее увидеть скульптуру.

Вот она — стоит на круглом столике. К корявому стволу дерева прикован обнажённый человек. Его голова бессильно упала на плечо, лицо искажено невыносимой болью. А на стволе — древнегреческая надпись: «Никто не может считать себя счастливым, пока жив»...

«Поликрат!» Потерянный, но не забытый. Григорий Макарович узнал его с первого взгляда. Немного успокоившись, он стал рас-

спрашивать хозяйку скульптуры. Хозяйка не имела никакого представления о том, что за исключительная ценность попала в её руки. Зато о приключениях «Поликрата» могла рассказать во всех деталях.

— Эта скульптура раньше принадлежала князю Всеволожскому. Может быть, вы слышали такую фамилию...

— Как не слышать! — усмехнулся Григорий Макарович. — Я столь-

ко о нём читал и расспрашивал, что он мне по ночам снится.

— Ну так вы, наверное, знаете, что молодой князь был женат на дочери книгоиздателя Маркса. А я — жена крестника жены князя... в общем, седьмая

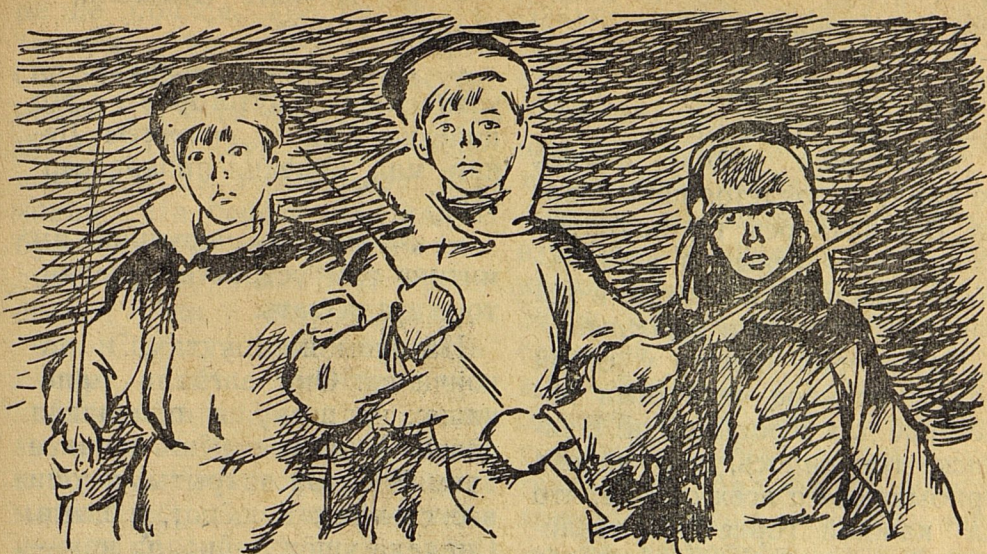
вода на киселе. Но когда Всеволожские бежали за границу, они оставили мне свою квартиру и всё, что не смогли увезти. Вот оттуда и скульптура эта...

Почти сто восемьдесят лет назад создал Козловский «Поликрата». Много раз это замечательное произведение искусства переходило из рук в руки, пересекло почти всю Европу. Теперь «Поликрат» вместе с другими работами талантливого скульптора украшает Белоколонный зал Русского музея.

«Но ведь это тоже случайность! — скажете вы. — Если бы владелица скульптуры не позвонила в музей, научные сотрудники по сей день безуспешно искали бы „Поликрата“».

Отчасти это верно. Но только отчасти. Возможно, прошёл бы ещё год или два. Но рано или поздно Григорий Макарович Преснов обязательно напал бы на след. Кто ищет, тот всегда найдёт. Особенно если ищет так, как это умеют делать работники музеев Советского Союза.

ПОДСНЕЖНИКИ

Части Красной Армии начали сосредотачиваться на берегу Финского залива, чтобы штурмом овладеть мятежным Кронштадтом. Но трудно идти в атаку по ненадёжному весеннему льду. Среди некоторой части красноармейцев Невельского и Минского полков возникло недовольство. Люди боялись провалиться под лёд.

Чтобы поднять боевой дух штурмующих, В. И. Ленин послал в воинские части делегатов X партийного съезда. Это были лучшие сыны партии большевиков. Горячим словом,

Рисунки В. Бескаравайного

личным примером они сумели спаять воедино красноармейскую массу.

Делегаты рассказали о работе съезда. Они привезли с собой известие об отмене продразвёрстки. Крестьяне и красноармейцы с радостью приняли эту новость. Даже Бугасов понял наконец, что Советская власть никогда не обидит трудовое крестьянство.

Мальчишки присутствовали на одном из таких митингов. А вечером к Дороховым приехали Крутогоров и Зуйко. Начались сборы к тайному походу в Кронштадт.

Окончание. Начало в «Искрке» № 4 за 1968 г.

— Как наши разведчики? Не скисли? — спросил Василий Васильевич.

— Мы? — Федька оскорблённо засопел носом. — Скажешь тоже, дядя Вася.

Мальчишки сейчас ничуть не боялись предстоящего похода. Всё казалось им захватывающе интересным и нисколько не опасным, как игра, в которой участвуют и взрослые.

Крутогоров привёз с собой подготовленное чекистами донесение для Кронштадта. В записке говорилось, что войска прибывают со всех сторон, что на каждой горке устанавливают орудия, но штурмовать остров пока не собираются. Боятся, что лёд не выдержит. Надеются, что ещё будут сильные морозы. А если и пойдут на штурм до морозов, то ракетницы заряжены и находятся в верных руках. Сигнал будет подан вовремя.

Для записки устроили хитрый тайничок. Матрос Зуйко взял у Федьки валенок и острым ножом надрезал верх голенища, но не поперек, а вдоль — так, что в мягкой кромке образовался кармашек. Туда и засунули бумажку.

Инструктаж был короткий. Крутогоров просил поменьше болтать, на вопросы отвечать коротко и не врать — говорить, что видели, кроме, конечно, всего того, что связано с заданием. Видели, что полк разместился в деревне? Видели! И не надо скрывать это.

— А про десятый съезд? — спросил Гриша.

Крутогоров изумился.

— На митинге слышали, — пояснил Гриша.

— Про съезд можете! — улыбнулся Крутогоров. — Это полезно. Так и скажите: Ленин, мол, отменил подрывёрстку!

— Может, ты поручишь им митинг там устроить! — сердито сказала мать.

На этом инструктаж и закончился. Она загнала мальчишек на печку и приказала спать. А разве уснёшь в такое время? Глаза закрыты, а уши всё слышат: и шёпот, и шаги. Сначала ушёл Зуйко, за ним — отец. Крутогоров долго ещё шептался с матерью, а потом и они вышли из дома.

Начинались сумерки. Вместе с темнотой, выползавшей из углов, появилась и тревога. Ребята лежали на тёплой печке, а жарко им не было. Вроде даже холодом несло откуда-то.

Карпuxe вспомнился приплывший к берегу мертвец. Мальчишка несколько раз открыл и закрыл глаза, а утопленник всё виделся ему. Чтобы отогнать его, Карпуха сказал:

— Только б не провалиться!..

— Раки в море не водятся! — ответил Гриша.

Это он ответил не столько Карпuxe, сколько самому себе. Ему тоже почему-то чудился утопленник, но не настоящий, а пушкинский, которому — в память Грише врезались эти строки — «в распухнувшее тело раки чёрные впились».

Федьку утопленники не пу-
гали, и провалиться под лёд
он не боялся. Пушки будут
тащить, а уж они-то пройдут!
Он боялся заблудиться. Вести
ребят придётся ему. А вдруг
туман? Пройдут мимо Крон-
штадта... За ним — море без
конца... На берегу их ждать
будут, а они топают себе по
льду, как дураки. Ищут Крон-
штадт, а уж и Финляндия ря-
дом... Ещё хуже, если кружить
начнут. Тебе кажется, что
идёшь всё вперёд, а сам давно
завернул и шлёпаешь обратно,
к берегу. Крутогоров, папка с
мамкой обрадуются: «Уже вер-
нулись! Молодцы!» Никто и не
поверит, что заблудились. Ва-
силий Васильевич скажет:
«Дела-а!», а подумает, что
испугались и нарочно не по-
шли в Кронштадт!

— Компас нужно! — вслух
произнёс Федька. — А раки —
чушь собачья! Не потонем!

Так они и лежали на печке
каждый со своей наивной тре-
вогой, и никто не думал о на-
стоящей опасности, с которой
они могли встретиться в самом
Кронштадте.

Гриша заснул первым. Чуть
позже, отогнав от себя упря-
мого мертвеца, задремал Кар-
пуха. И Федька вдруг рассла-
бился, заулыбался. Он держал
в руках во сне огромный чу-
десный компас, по которому
можно дойти, не плутая, хоть
до Америки...

Они спали, а подготовка к
их походу продолжалась. Отец
уехал на Прошке верхом —
вернулся через час, но уже в
саниях. Не распрягая коня, он

закрутил вожжи вокруг бёрё-
зы и задал ему сена. Матрос
Зуйко принёс откуда-то три
короткие зимние удочки с лес-
ками, с поплавками, только
без крючков. Они были боль-
шой редкостью. Даже чекисты
не смогли их достать.

Мать накрыла на стол и,
вздыхнув, подошла к печке. На
краю лежанки желтели шесть
пяток. Самые маленькие — по-
середине. Карпуха лежал ме-
жду Федькой и Гришей. У
братьев пятки были грубова-
тые, чуть приплюснутые, рас-
топтаные. Мальчишки много
ходили босиком. У Гриши ко-
жа не загрубела, ступня уз-
кая, как у девчонки.

У матери на глаза наверну-
лись слёзы. Она потянула
Федьку за ноги, сказала, как
обычно:

— Вставайте. Пора.

Но вечер был совсем не
обычный. Проснувшись, маль-
чишки почувствовали, что они
вдруг стали какими-то важны-
ми персонами. Всё делалось
для них, только для них. На
столе — всего три плошки. Ни-
кто больше не сел за стол.
Они ужинали втроём, а взрос-
лые работали на них. Зуйко
резал для них хлеб. Отец про-
верял, хорошо ли высохли ва-
ленки. Мать придирчиво осма-
тривала одежду.

Пришёл и Крутогоров, как-
то по-особому взглянул на
мать. Она поняла. Сказала:

— Сели... Все сели.

И все сели по старинному
обычаю. Потом мать, а за ней
отец обняли мальчишек.

Провожать их Крутогоров не разрешил.

Впятером разместились в санях. Василий Васильевич впереди, Зуйко сзади. Застоявшийся Прошка заторопился к заливу. У камня остановились. К саням из темноты и начавшего густеть тумана подошли три матроса, отковыряли Крутогорову и дружески потискали присмиривших мальчишек.

— Поехали, — очень буднично произнёс Василий Васильевич.

Два матроса тотчас ушли вперёд. Зуйко с третьим матросом двинулись за ними. Когда эта пара отошла метров на десять, Крутогоров пошевелил вожжами. Полозья закрипели по льду.

Справа что-то горело. Пожар начался несколько часов назад, когда гремела артиллерийская перестрелка. Теперь было тихо. Туман справа отсвечивал красным. А впереди, где смутно чернели два матросских бушлата, иногда возникали какие-то голубоватые пятна.

— Проектора кронштадтские, — пояснил Крутогоров.

— Мы так и будем ехать? — спросил Федька. — До самого Кронштадта?

— Ты недоволен?

Федька и сам не знал, доволен он или огорчён. Пожалуй, и то, и другое вместе. Он ответил уклончиво:

— Можно б и не так, если б компас был.

А Гриша с Карпухой откровенно радовались, что поход

оказался таким простым и нестрашным.

— Нет, ребятки! — невесело сказал Крутогоров. — Не до самого... До Кронштадта всем нельзя! Высажу метров за четыреста... Только не робеть! Робкого и воробей заклюёт!

— Кто робеет-то? Никто не робеет! — отозвался Карпуха. — Верно, Гриша?

— Пока нет.

— И пока, и потом! — рассердился Федька.

— А ты не горячись! — произнёс Крутогоров. — Ты теперь командир. Выдержка для тебя — самое главное. Командир без выдержки — не лучше труса... И вот тебе, командир, боевой приказ: возвратиться всем троим! Насмерть это запомни!

— Вернёмся!..

Прошка сам держал дистанцию. Пока отсветы от зарева пожара ещё проникали в гущу тумана, конь шёл за второй парой матросов шагах в пятнадцати. Но чем больше удалялись от берега, тем становилось темнее, и Прошка приблизился к матросам шагов на пять. Иногда и на этом расстоянии их не было видно. Но конь слышал их шаги и неотступно следовал за ними. Под матросскими ботинками сочно чавкал влажный снег. Под Прошкиными копытами эти звуки усиливались и повторялись. Казалось, что конь идёт по разбитой осенней дороге.

— Стой! — послышалось где-то впереди.

Федька дёрнулся.

— Сиди! — успокоил его Крутогоров.

Прошка остановился. Перед ним в тумане сгущились какие-то люди. Их было больше, чем четверо. К саням подошёл Зуйко. Доложил:

— Тут промоина. Обьезжать будем.

Он взял лошадь под уздцы и повёл влево. Справа остались три красноармейца. Матросы по-прежнему двигались впереди. Уже не снег чавкал под ногами, а булькала вода.

— Мы ведь в валенках! — вспомнил Карпуха.

— Разницы нет, — сказал Крутогоров. — Посмотри на Зуйко... Что в валенках, что в сапогах!

Мальчишки посмотрели и сначала подумали, что это туман отрезал матросу ноги. А это была вода, холодная, чёрная. Она доходила ему чуть не до колен. Прошка ступал осторожно и тревожно похрюпывал.

Впереди побелело. Вода кончилась. Снова началась снежная жижа. Вскоре опять встретилась промоина, и опять какие-то красноармейцы показали, куда нужно свернуть, чтобы не провалиться.

«Сколько же людей тут понапихано!» — подумал Федька и спросил у Крутогорова:

— Это всё нас встречают?

— А ты как думал!.. Один хороший разведчик дорого стоит. А вас трое!.. Да и мамке вашей обещал... Охраняем!

Ехали долго. Федька уже решил, что они заблудились без компаса. Наконец остано-

вились на сухом месте. Зуйко накинуд на голову Прошке какой-то жгут и связал коню челюсти, чтобы не заржал slučajно.

— Приехали? — спросил Федька и почувствовал, как вздрогнул Карпуха, сидевший бок о бок с ним.

Крутогоров не ответил. Он ждал чего-то. Матросы стояли рядом с Прошкой. Вдруг из плотного тумана беззвучно вышла ещё более плотная тень. Человек в белом мокром халате выдохнул:

— Можно!

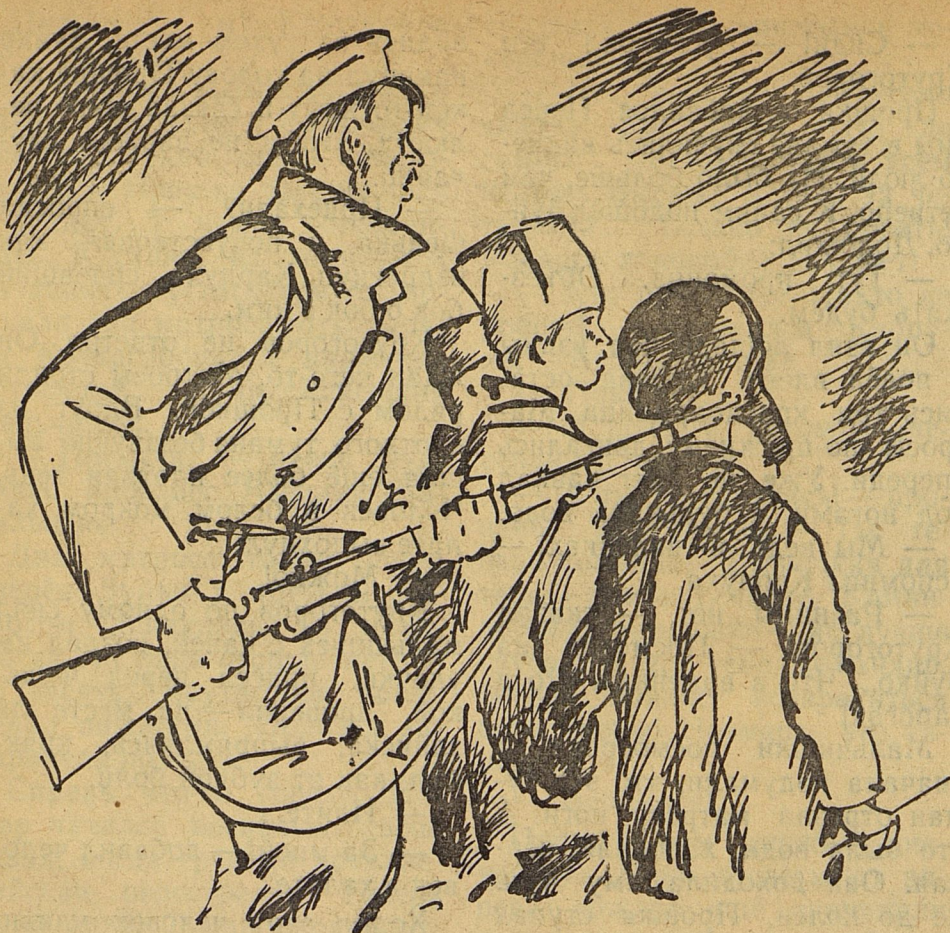
Крутогоров по одному снял мальчишек с саней, роздал им удочки, присел перед Федькой, проверил — на месте ли записка, выпрямляясь, крикнул, как от зубной боли.

— Идите...

— За мной! — добавил человек в халате.

Ходил этот человек удивительно. Мальчишки старались не шуметь, но валенки у них шлёпали на весь залив. А он не шёл, а плавно плыл в тумане, как бестелесный призрак. И ни звука! Это было так странно, что Федька ухватился рукой за мокрый халат. Ему показалось, что стоит отстать всего на один шаг — и призрак растворится в тумане. Не увидишь его и не услышишь.

Гуськом шли минут десять. Под ногами хрустел снег. Он был здесь довольно глубокий и не очень мокрый. Человек лёг и совсем исчез. Халат слился со снегом. Залегли и ребята, прислушиваясь к неторопливому шёпоту:

— Дальше — одни. Шагов сорок. Там вас окликнут. Отвечайте, что заблудились. Идите на голос... Всѣ!

Теперь командование переходило к Федьке. Впервые в жизни ложилась на него такая ответственность. Она точно придавила его к снегу, и он не сразу сумел подняться на ноги.

— Пошли, что ли! — сердито сказал он. — Чего ждать?

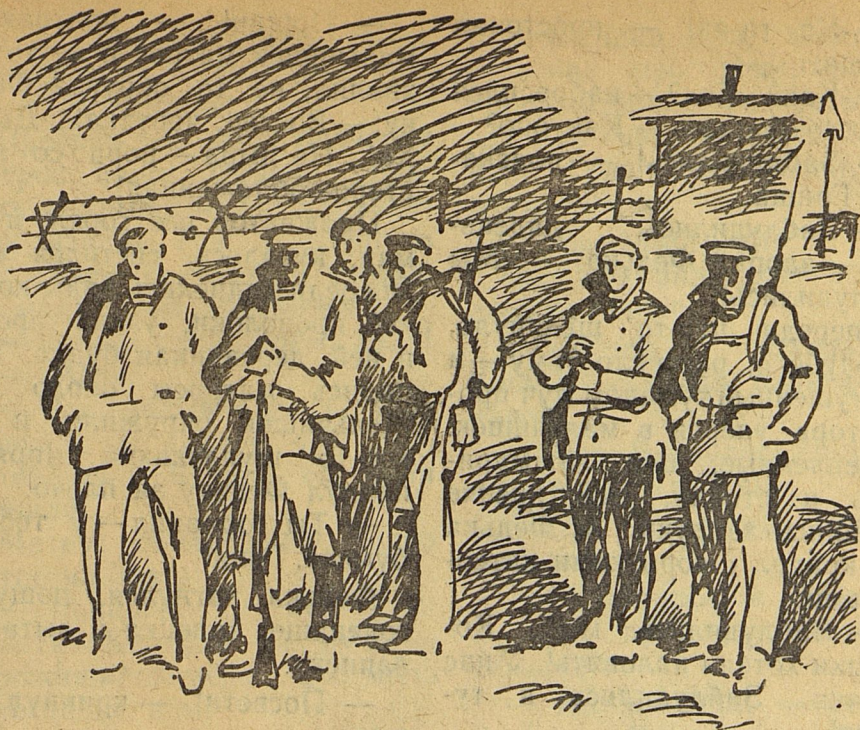
— Мы тебя ждѣм, — ответил Гриша.

И Федька вскочил. Теперь они стояли. Ноги не хотели

двигаться вперед. Ребята пошли только тогда, когда получили сзади по ободряющему шлепку.

— Я здесь буду ждать, — услышали они на прощанье. — Не бойтесь!..

Через несколько шагов Федька оглянулся. Они были одни, совсем одни. А вокруг ночь и туман. И тихо. Тогда он взял Карпуху и Гришу за руки и, будто отрубив всё, что осталось позади, ринулся вперед. На Федьку нахлынула какая-то порывистая отчаянная храбрость. И если бы в них начали

стрелять сейчас хоть из пушек, это бы его теперь не остановило. Он ломился вперёд, только вперёд, не задумываясь и не рассуждая.

Карпуха тоже не рассуждал. Он замёрз. В валенки просочилась вода. Она противно выдавливалась между пальцами.

А Гриша боялся, потому что яснее братьев понимал, куда они идут. Наивные мальчишеские ужасы давно отступили перед настоящей опасностью. Она притаилась впереди, и они сами шли к ней. Как произойдёт встреча с кронштадтскими матросами? Сунут головой в прорубь — и весь разговор!

С каждым шагом нервы у мальчишек напрягались. Приближалась страшная минута. Даже Карпуха понял это и перестал чувствовать воду в валенках. «Надо приготовить!» — подумал Федька, но не мог сообразить, что и как нужно готовить.

— Кто идёт? — резануло по ушам.

И забыл Федька, как нужно ответить. Он знал это простое слово, знал, что оно обозначает, но забыл, как оно произносится.

— Кто идёт? — прогремело ещё раз. — Стой!

— Свои-и! — вдруг закричал Карпуха тонким от волнения голосом.

— Не та-ак! — простонал Гриша.

— Как? Как? — набросился на него Федька. — Как оно?

— Заблудились! — подсказал Гриша.

— Заблудились, дяденька! — заорал Федька. — Мы заблудились!

Впереди что-то щёлкнуло, заголубело, рассекло тьму — и притушенный туманом луч прожектора упёрся в мальчишек. Ослеплённые, они зажмурились и стояли, ещё крепче взявшись за руки. А Федька всё кричал с короткими интервалами:

— Заблудились мы!.. Корюшки хотели наловить!.. У нас удочки... Заблудились в тумане!..

Он орал до тех пор, пока кто-то не сказал над самым ухом:

— Закройся!

Федька открыл глаза, но так ничего и не увидел: пронзительный свет выбивал слезу. Мальчишки чувствовали его даже кожей.

— Отведи мигалку! — приказал тот же голос и добавил многозначительно: — Кажись, те приплыли!

Луч прожектора ушёл в сторону и остановился, просверлив в тумане туннель. Ребята увидели рядом матроса с винтовкой.

— А то какие ж? — грубовато сказал Федька, вспомнив крутогоровское напутствие: не робеть! — Те, конечно! Кто бы другой в эту дыру сунулся!

— Веди сюда! — слышалось из тумана.

— Пошли! — подтолкнул мальчишек матрос и не то похвалил, не то обругал Федьку: — Востёр, чертяка!.. Дыра! Ха!.. Не дыра — нора со всех сторон обложенная!

Прожектор всё горел, и туман, казалось, светился сам. Впереди виднелись ряды колючей проволоки, узкий проход в ней, деревянная будка. Толпились матросы около неё. Мальчишек окружили, и какой-то щупленький морячок цапнул Федьку за плечо:

— Ты горланил — у тебя и бумага. Гони!

Федька нагнулся, пощупал голенище валенка и вытащил записку.

— Посвети! — крикнул моряк.

Невидимый прожекторист подвёл луч поближе к будке. Матросы сгрудились вокруг моряка с запиской. Он прочитал её вслух и не шагнул, а прыгнул с рёвом к мальчишкам:

— Кто подослал?

Карпуха попятился и плотно уселся в мокрый снег. Федька не стал поднимать его, а Гриша сказал, сдерживая лихорадочно трясущиеся губы:

— Вы-вы... не кричите! Не придём больше — будете знать!

— Откуда шли? Из Рамбова?

Гриша назвал деревню.

— Вр-рёшь! — нажимая на «р», прошипел моряк и потянулся к кобуре, висевшей на ремне под животом.

— Кончай концерт! — лениво произнёс один из матро-

сов, и щуплый морячок сразу притих. Даже улыбнулся:

— Проверочка!

Прервавший эту проверку матрос помог Федьке стряхнуть мокрый снег с Карпухиных штанов. Нос у Карпухи был синий от страха и холода, но мальчишка храбрился.

— Мы ж тебя знаем, дядя!

— Меня?

— Ты пьяный был. С гармошкой. И сахару нам дал. Помнишь!.. Втроём вы сани тащили...

Матрос обрадовался, точно встретил брата:

— Роднуша ты мой! — Он схватил Карпуху на руки. — Дрожишь? Замёрз?.. Эх, мало я тогда дал вам!

— И то отняли! — пожаловался Карпуха.

Матрос выругался и обернулся к своим:

— Братцы! Я их знаю! Во — парни!.. У кого что есть? Вали гостям!

Ребятам начали совать сухари, огрызки сахара, а Карпуха получил вяленую шершавую от соли рыбёшку. Мальчишек растащили, и вокруг каждого образовалась своя группа слушателей. От острова, от чёрных многоярусных бетонных блокаузов подходили другие матросы, встревоженные ночным шумом у заставы. Запертые в крепости, отрезанные от большой земли, моряки жили слухами, и теперь они с жадностью расспрашивали мальчишек.

Федька сначала на все вопросы отвечал без запинки. Он совсем овладел собой и сбился

только один раз, когда его спросили про Невельский и Минский полки. Говорить правду или соврать? Пока он думал, Гриша сообразил, что врать нельзя.

— Да, было! Было...

Всё внимание сосредоточилось на Грише.

— Совсем отказались? Ушли? — спросил щуплый морячок.

— Нет. Вернулись. Ворошилов поговорил с ними.

Кто-то просвистел протяжно, испуганно.

— И Ворошилов здесь?

— А про Будённого не слышно?

— Не слышал, — ответил Гриша. — Мы про новый закон слышали! Продразвёрстку отменили!

И стало тихо. Федька подумал, что Грише не поверили, и соврал:

— Мужики на радостях самогогон гонят!

Матрос опустил Карпуху на лёд, крикнул каким-то придуренным голосом:

— Гаси фонарь!

Когда прожектор потух, он потянул к себе Гришу.

— Чего, чего?.. Повтори!

— Отменили развёрстку!.. Ленин отменил — на съезде!

И опять было тихо, пока чей-то голос не потребовал:

— Покажите мне этого... агитатора!

Матросы раздались, и к мальчишкам подошёл человек. В какой он был одежде, ребята не разглядели. Только не в матросской.

Щуплый морячок выдвинулся вперёд и протянул бумажку:

— Они записку принесли... Сегодня можно спать!

Другой матрос чиркнул зажигалкой — посветил. Человек прочитал каракули Степана Дорохова.

— Любопытно!.. Ведите их ко мне — разберёмся!

Знакомый матрос встал между мальчишками и человеком:

— Они домой пойдут.

— Что-о? — с угрозой спросил человек.

Из толпы, собравшейся около будки, раздалась сначала негромкие, а потом всё более злые голоса:

— Не поведём!

— Отпустить надо!

— Пусть домой!

— Знаем мы тебя!

— Он же заперет, зверюга!

— Дуйте домой! Не провалитесь!

Кто-то повернул мальчишек спиной к острову.

— Бежим! — шепнул Федька.

И они побежали. А сзади нарастал гул голосов, сквозь которые до ребят долетела с угрозой произнесённая фраза:

— Хорошо! Об этом будет доложено генералу Козловскому!

Шум утих, но зато мальчишки услышали, что кто-то гонится за ними. Валенки ребят быстрее зашлёпали по снежной каше. Ещё быстрее. Брызги так и летели во все стороны. Вдруг на всем бегу что-то непреодолимое остановило Федьку и Гришу. Карпуха остано-

вился сам, глотая воздух широко раскрытым ртом. Старших ребят держал за шиворот знакомый матрос.

— Не рвитесь! Тихо!.. Забыл предупредить... Сюда больше не приходите! Кто бы ни послал — не ходите!.. Нам крышка обеспечена, а вас по молодости простят! Сидите дома!.. Обмишурились мы с этой... новой революцией!

— Идём с нами! — предложил Карпуха. — И тебя... простят.

Матрос нервно рассмеялся.

— Одна мама меня, родная, простит! Больше никто не простит, не пожалеет!.. У тебя мамка-то есть?

— Есть.

— Вот и шлёпай к ней! Самое верное дело!.. А моя уж не дожждётся.

Матрос повернулся, скрипнув зубами, пошёл назад и с надрывом затянул песню:

— Напрасно старушка ждёт сына домой...

Грише стало жалко его до слёз. А из тумана летели берущие за душу слова:

— Ей скажут, она зарыдает...

— Федь! — позвал Гриша. — Подставь ухо!

Федька повернул к нему ухо.

— Сказать бы...

— Чего?

— Только ему одному!.. Он тогда пошёл бы с нами!

— Чего сказать-то?

— Что штурмовать будут!

Федьку словно ударили.

— Ты!.. Ты!.. — задохнулся

он. — Я тебя... у... убью! Дурак несчастный!

— Жалко же!

— А Самогора не жалко? В него, может, этот самый и стрелял!.. Купил он тебя сахаром!

— Ничего не купил. Жалко! — повторил Гриша.

Незаметный в тумане, в нескольких шагах от мальчишек лежал их проводник в белом халате. Он неслышно поднялся, беззвучно подошёл к ним, спрятал наган.

— Быстрее! Там волнуются. Приползали уже, узнавали...

Зуйко с матросами встретили мальчишек и на руках донесли до саней. Карпуха чихал, уткнувшись в чей-то бушлат, чтоб не слышно было. Крутогоров стегнул вожжами по Прошке и ни о чём не расспрашивал, пока не отъехали подальше от Кронштадта. Миновали первую полынью.

— Ну, кто будет рассказывать? — спросил Крутогоров.

— Гришка пускай! — буркнул Фёдка. — Ему б только рассказывать!

Крутогоров погрозил ему пальцем.

— Не злись!.. Жалеть людей надо!

— Как же вы могли слышать? — удивился Гриша.

— Не я... Мне рассказали... И про новый закон здорово у тебя вышло!

— И это слышали?

— Глаз с вас не спускали... Хорошо так обошлось, а если б потащили в крепость? Что тогда?.. Отбивать пришлось

бы! Потому и надо рядышком быть!

— Тогда и рассказывать нечего! — огорчился Гриша.

— Можно и не рассказывать... Молодцы! Всё сделано как надо! А ещё молодцы за то, что жалость не потеряли!

— Значит, Гришка прав? — взорвался Фёдка.

Крутогоров долго мирил их, объясняя что к чему. И получилось, что они оба правы. Конечно, разглашать военную тайну нельзя ни при каких обстоятельствах. Но Гриша и не разгласил её. Он только посоветовался с командиром. Да и не знали ребята, на какой день назначен штурм. А пожалеть кронштадтских моряков — совсем не значит смалодушничать. Ошиблись они, не поняли, кто друг, кто враг. Сейчас только начали понимать, когда увидели, что выбранный ими комитет целиком подчинился царскому генералу. Да и сами комитетчики, как оказалось, тоже хороши: один — бывший жандарм, другой — бывший сыщик, третий из попов. Спихнулись одураченные матросы, оглянулись на то, что натворили собственными руками, — и страшно стало. Испугались справедливого народного гнева и решили отсидеться в крепости.

Не в атаку бы на них идти, а выждать бы недельку-другую, чтобы ещё глубже раскаялись матросы. Да послать бы в Кронштадт десяток опытных пропагандистов, чтобы разъяснили они всю глубину их ошибок, чтобы напомнили: народ

суров, но милостив. Одна беда — не было времени для бескровного завершения трагедии. Враги советской власти за рубежом уже готовили десантные войска. В иностранных портах стояли у причалов десантные корабли. И первый весенний шторм, взломав лёд, открыл бы им дорогу в Финский залив, а командование мятежников передало бы пришельцам полную власть над крупнейшей военно-морской базой.

Не было другого пути. Только штурм! Мощный неожиданный удар, чтобы потери с той и другой стороны были меньше...

А Карпуха всё чихал.

— Никак простыл! — Крутогоров поторопил Прошку. — Достанется мне от Варвары Тимофеевны!

— Не простыл! — храбрился Карпуха. — В носу щеко-чет...

— Василий Васильевич! Не дать ли им спиртяги? — спросил из тумана голос Зуйко.

— А с матерью ты объясняться будешь?

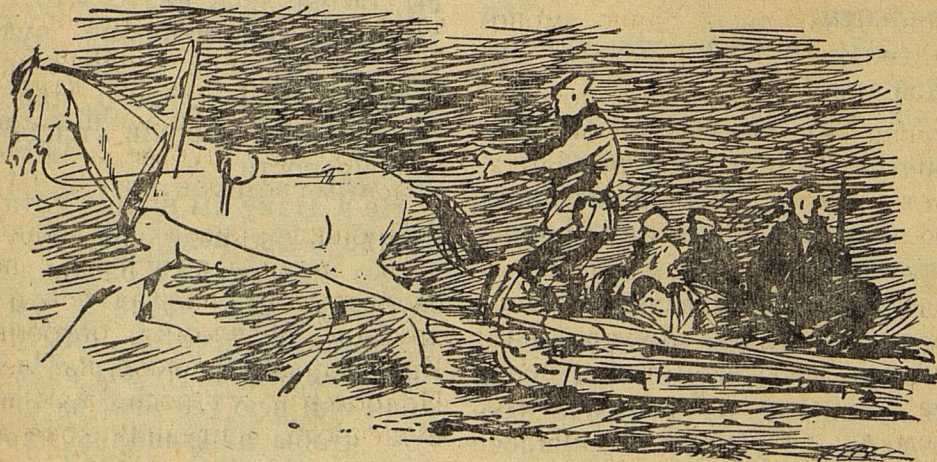
Матрос не ответил. Это его не устраивало.

— Лучше с насморком доставить, чем пьяных, — добавил Крутогоров и подстегнул Прошку. — А мороз-то забирает!

— Ясно-дело! — весело откликнулся Зуйко. — Забирает хорошо...

Карпуха чихнул и потрогал валенки. Они задубели, покрылись скользкой корочкой. Под копытами Прошки уже не чавкало, а похрустывало. Туман не расходился, но меньше заглушал звуки. Они стали резче, звонче. Можно было услышать отдельные шаги передних двух матросов и отличить их от близких шагов Зуйко и его напарника.

Гриша лежал на спине, подсунув под голову ворох сена, и смотрел вверх. И представилось ему, что они едут по дну глубокого моря. И не туман над головой, а вода. Под санями — не лёд и смерзшийся снег, а ухабы подводной дороги. В этом призрачном царстве не было покоя и тишины. Что-то назревало, надвигалось. И

Гриша никак не мог понять, кажется это или действительно в его подводное царство врывались отзвуки настоящего мира.

Он приподнялся на локте. Федька с Карпухой тоже прислушивались к чему-то, что шло им навстречу, — невидимое, необъяснимое, вездесущее. Какой-то сплошной шорох. Мягкий, вкрадчивый и страшный, как шорох зыбучего песка, как далёкий шум волны, вздыбившейся непонятным образом и заливавшей лёд.

— Что это? — спросил Гриша.

— Началось! — тихо и торжественно ответил Крутогоров.

— Чего? — не понял Карпуха.

— Наши пошли!

Сначала справа от саней вытекла широкая чёрная река. Красноармейцы шли колонной. Шли молча, налегке — без вещмешков и котелков. Винтовки прижаты накрепко, чтоб не звякнули. Слышны только шаги, слившиеся в сплошной монотонный шорох, в котором нет отдельных звуков. Двигались едино, монолитно.

И сразу же слева потекла такая же река. Ещё левее — третья. И вот уже нет льда, нет тумана — сплошное движение идущих в атаку полков.

— Считайте минуты! — взволнованно сказал Крутогоров. — Каждая минута — наш выигрыш! И ваш тоже, ребята!.. Чем дольше будет тихо, тем лучше выполнили мы за-

дание! Значит, в Кронштадте не ждут, не замечают!

Шли красноармейцы, впряжённые в сани и саночки. Некоторые тащили по льду листы фанеры. И на санях и на фанере стояли пулемёты, лежали коробки с патронами, катушки с телефонным кабелем.

Пробежали сапёрные подразделения с лестницами, шестами, верёвками.

А туман синел и редел. Поднимался ветерок. Как сквозь замёрзшее стекло, бледно и холодно просвечивала сверху луна.

Первая волна штурмующих прошла. Шорох и шелест ещё слышались сзади, а от берега уже накатывалась вторая волна. Её пока не было видно, но шум уже нарастал.

Первый выстрел грянул неожиданно, хотя все понимали, что бой вот-вот должен начаться. Потом ещё два. Темнота отскочила куда-то в глубь залива — вспыхнули прожекторы. И кто-то, как рубильником, включил огромную грохочущую машину, которая начала перекатывать многопудовые камни. И туманный воздух, и лёд, и блёкая луна — всё задрожало вокруг и озарилось уже не голубым, а жёлто-красным светом.

Прошка присел на задние ноги, рванулся вперёд, поскользнулся, упал на бок и с хрустом переломил оглоблю. Крутогоров соскочил на лёд. Подбежали матросы, как игрушечного, поставили коня на

ноги и увидели сломанную оглоблю. Кто-то выругался.

— Ремни! — приказал Крутогоров.

Все пятеро сгрудились у оглобли, стали её связывать ремнями. А мальчишки прижались друг к другу и, не мигая, смотрели назад, туда, где разгорался бой. Чёрная громада острова была опоясана двойным огненным кольцом. На ярко освещённом льду вырастали гигантские хрустально-голубые искрящиеся ели. Это рвались снаряды, выбрасывая вверх размолотый, смешанный с водой лёд. Длинные языки пламени отрывались от бортов линкоров и жадно облизывали ночь. В небе тоже что-то вспыхивало, дробилось и рушилось вниз, на ледяное поле, по которому ползли, бежали, перекачивались наступающие.

— Держитесь! — сквозь грохот предупредил Крутогоров и погнал Прошку к берегу.

Наскоро связанная ремнями оглобля белела в изломе, как перешибленная кость. Прошка прихрамывал, но не останавливался, пока не показались отряды второй волны штурмующих. Ползли волокуши, нагруженные для тяжести камнями. За ними по сглаженным дорожкам катились пушки.

Встречная волна была такая густая, что ни разойтись, ни разъехаться. Прошка остановился. Прямо на него, напружинив груди, надвигались две армейские лошади, тянувшие волокушу.

— Сворачивай! Раздавлю! — завопил кто-то.

Мальчишки узнали хромого Бугасова. Яростно размахивая вожжами, он подскочил к стоявшим впереди саней матросам.

— Сворачивай, дезертирские души! Все вперёд, а они назад!

— Некуда сворачивать! — виновато ответил Крутогоров.

Прошка и кони, уткнувшись мордами, мирно обнюхивали друг друга. Это ещё больше разъярило Бугасова.

— Дезертиры! К стенке таких!

Артиллеристы, катившие пушки сзади бугасовской волокуши, с руганью промчались мимо.

Волна прокатилась. Зуйко заставил Прошку попятиться. Крутогоров сел в сани и объехал волокушу. Бугасов удивлённо смотрел на мальчишек. Он только сейчас узнал их.

Сзади по-прежнему громыхало и ухало. Стреляли и с берега. Снаряды сверлили воздух над головой. Светлело всё больше. По льду спешили санитары с санками. Ташились освобождённые от камней волокуши. Они выполнили свою задачу — проторили дороги среди снежных заносов, особенно глубоких у берега. Теперь волокуши превращались в санитарные повозки.

— Никак отец? — воскликнул Гриша.

— Он! — подхватил Федька. Карпуха чихнул и подтвердил:

— Он!

Заржал Прошка, узнав хозяина, и сам свернул к волокуше, у которой хромал Степан Дорохов. Мальчишки скастились с саней и кинулись к нему.

ПОДСНЕЖНИКИ

Матери, матери! Кто отгадает, каким таким чувством распознаёте вы беду, грозящую вашим детям!

Карпуха, встретив отца, больше не чихнул ни разу. Но стоило матери взглянуть на него, как радость в её глазах сменилась беспокойством.

— Так я и знала!.. Только б не крупозное!

Карпуха хохотнул.

— Чего ты, мам, выдумываешь?

— С чего взяла? — спросил отец, пощупав у сына лоб. — Жару нету!

— Что ты понимаешь! — отмахнулась мать и принялась выгребать из печки горячие уголья. — Поостынет — полезешь париться.

Карпуха спорил, упрашивал — не очень приятно лежать в обжигающей духоте чёрного печного зева, но, пока печка остывала, болезнь взяла его в оборот, да так, что зубы у него залязгали на весь дом.

Бой за Кронштадт не прерывался ни на секунду, а у Дороховых шло своё сражение — за Карпуху. И мать была главнокомандующим в этой битве. Отца она послала в деревню со строжайшим наказом — обойти всех и любой ценой добыть сушёную малину. Хорошо бы и

мёду, но знала мать, что во всей Петроградской губернии не достать ни грамма.

Федька побежал в лес за еловыми ветками для подстилки в печке. Гриша получил ключ от сарая и помчался к флигелю. Помнилось ему, что где-то он видел завалявшиеся веники.

Карпухе становилось всё хуже. Он уже бредил, когда мать раздела его, нагишом засунула под печной свод и уложила животом на потрескивавшие от жары еловые лапы. Парили его по очереди. То Федька наполовину влезал в топку и хлестал веником по худеньким лопаткам брата, то Гриша. Но он не мог долго дышать горячим хвойно-берёзовым настоем. Тогда отец мочил веник в ледяной воде и сам просовывал голову и правую руку в печное нутро, где жарился Карпуха.

Когда его вытащили оттуда и уложили в кровать, он был до того разморён и слаб, что не мог говорить, лишь блаженно улыбался одними глазами. Мать напоила его горячим малиновым наваром, а к пяткам поставила завернутый в тряпки чугунок с углями.

Дребезжали стёкла — бой за Кронштадт продолжался.

— Ещё не взяли? — чуть слышно спросил Карпуха.

Ему казалось, что прошло очень много времени, а было всего около одиннадцати часов утра.

— Возьмут! — ответил Гриша. — Ты не беспокойся!

— Миновало! — облегчённо вздохнула мать.

— Чего миновало? — не понял Карпуха.

— А то, что будет тебе дёру! — Голос у матери приобрёл свою обычную задиристость. — И Крутогорову это даром не пройдёт!.. Чуть живого привезли!.. Ты тоже хорош! Растяпа! — Это уже относилось к отцу. — Где бы валенки-то скинуть! А ты что? Так и вёз в мокрых! Недоумок!

Карпуха слабенько хихикнул и как-то сразу заснул, а мальчишки, пока мать не взялась за них, выбрались во двор.

Светило солнце. Начинали оттаивать сосульки. Падали первые в то утро капельки. И удивительно — этот тоненький перезвон весенних капель не терялся в могучем грохоте битвы.

Мальчишки прислонились к берёзе и молча смотрели на залив. Там, где должен быть Кронштадт, горбилось большое дымное облако. Бой шёл внутри крепости.

— Ты сюда посмотри! — сказал Гриша и указал куда-то под ноги.

У самой берёзы, защищённый от ветра могучим стволом, пригретый солнцем, выглядывал из-под снега белый, чуть подсинённый цветок. Мальчишки присели на корточки.

— Прямо из-под снега! — удивился Федька.

— Подснежник! — с гордо-

стью за смелый цветок произнёс Гриша.

Маленький, с тонкой ножкой, он расцвёл среди снега штурмовым утром, и его нежные лепестки не трепетали от раскатистой канонады, напоминавшей первую весеннюю грозу.

— Эй, вы! — негромко сказал кто-то. — Фокус хотите?

За берёзой стоял знакомый парень в финской шапке и с ним ещё пять мальчишек. Этот парень повернул к Федьке пустую ладонь, потом закинул руку за спину и вдруг показал блюдце с куском засахарившегося мёда.

— Батя ваш спрашивал... Раздобыл!

— Давай! — обрадовался Федька.

— Вперёд скажи, куда вы ночью ездили?.. Бугасов болтает, что в Кронштадт.

— Военная тайна! — с фасоном ответил Федька. — Не можем сказать!

Парень посмотрел на своих дружков и, получив молчаливое одобрение, протянул блюдце с мёдом.

— Держи!.. А что это вы разглядывали под берёзой?

— У нас чудо! — сказал Гриша.

И все склонились над цветком. От дыхания мальчишек снежная корка просела, и рядом с первым подснежником проклюнулся второй.

О КЛИМАТЕ И ГРОЗНЫХ ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

САМЫЕ сухие места на Земле — это район Вади-Хальфа в Судане и пустыня Атакама в Чили. В некоторых районах пустыни годовые осадки не превышают миллиметра, а Вади-Хальфа получает эту порцию только за три года.

САМОЕ дождливое место на земном шаре находится в Восточной Индии, в районе Черрапунджи. Здесь, близ Гималайских гор, за год выпадает до 12 метров осадков. Отмечались случаи, когда за сутки выпадало более метра осадков.

САМЫЙ крупный град был зарегистрирован 6 июля 1958 года в селе Ачикулак (Ставропольский край). Вес градин достигал 2200 граммов. От града пострадали все дома и деревья. В поле градом было убито 90 ягнят.

САМАЯ высокая температура на земном шаре, равная плюс 58 градусам, была зарегистрирована в Северной Африке, в районе города Триполи.

САМАЯ низкая температура воздуха была отмечена в 1965 году в Антарктике, недалеко от Южного полюса, норвежскими исследователями. Она равнялась минус 94,5 градуса.

При этой температуре металл становится хрупким, резиновые шланги и провода разрушаются от малейшего перегиба, а человеческая кожа теряет чувствительность и утрачивает болевые ощущения.

САМОЕ большое колебание температур воздуха между зимой и летом наблюдалось в районе Оймякона (Якутия).

Оно составило 102 градуса: от минус 71 до плюс 31.

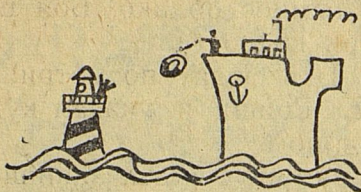
САМОЕ маленькое колебание зимней и летней температур воздуха было отмечено в районах города Кито (Эквадор) и Маршалловых островов. Оно составило всего 0,4 градуса.

САМОЕ большое количество гроз наблюдается на острове Ява, в районе Бютензорга (Индонезия). Здесь в среднем 322 дня в году сверкают молнии.

САМЫЙ тёплый ветер дует в Скалистых горах в Канаде. Иногда он за несколько минут повышает температуру воздуха на тридцать градусов. При этом ветре снежный покров испаряется без образования воды.

САМЫЕ высокие приливы на земном шаре зарегистрированы у восточных берегов Канады — в узких заливах Фробишер и Фанди, рассекающих её берега: здесь прилив достигает 16 и даже 18 метров.

САМОЕ большое наводнение в мире произошло в январе 1887 года в китайской провинции Ханан. Река Хуанхэ вышла из берегов, в результате чего погибло 900 тысяч человек.

САМЫМ трагическим в памяти людей остался тропический циклон в октябре 1737 года. Во время штормового прилива 12-метровая волна, нахлынувшая на берег в устье Ганга, отступая, унесла с собой 300 тысяч человек и уничтожила 20 тысяч судов.

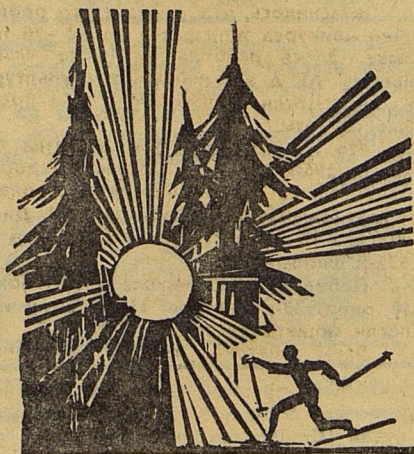
САМОЕ САМОЕ САМОЕ

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

ЛЫЖНЯ

Снежный пух, облетая с веток,
Таёт вмиг на щеке горячей.
К лесу дальнему, голубому,
Сам себе прикажу я: — Жми! —
...Виден мир совсем по-другому,
Со своей, не с чужой лыжни.

Утром я с электрички слезу,
На щеках и ресницах иней,
Снег хрустит под ногами синий,
И лыжня убегает к лесу.
Подкачу-ка я чуть поближе
К этой гладкой лыжне-дороге,
Что торили другие лыжи,
Не мои пробивали ноги.
Можно мчаться по ней — не новой,
Быть не первым — в том нету риска,
Это легче: путём готовым!
Только много ли в этом смысла?
Лучше я пробегу по насту.
Будет медленней? Ладно, что там!
Не беда, что не как по маслу
И глаза заливают потом.
Сколько скрыто меж сосен света!
Красотища! Замри же, зрячий!

✱

ЛЕСНАЯ СКУЛЬПТУРА

(К фотографиям на 2-й странице обложки)

РАЗ в год, в сентябре, юные натуралисты области собираются в Ленинграде и устраивают большой праздник урожая.

Они привозят свои чудо-тыквы, огурцы, помидоры и, конечно, цветы. Из цветов создают самые разнообразные композиции. Тут и композиция «Белеет парус одинокий» и «Тосненская сторонка» и букет «Тебе, комсомол»... И всё из цветов.

В этом году стенды выставки пополнились ещё и юннатской скульптурой. Ученики Ломоносовской школы № 1 из кабачков смастерили ослика. На нём юннат. «Ну, ну, пошёл! — подгоняет он ленивца. — Иди быстрее, иначе на слёт опоздаешь».

В Высоко-ключевой школе юннаты создали кружок «Лесная скульптура», в котором с увлечением мастерят деревянные фигурки.

Ребячий глаз стал остёр, наблюдателен. Бывало, выйдут они из леса — руки пустые. А сейчас, чуть завидят причудливый сучок, затейливую веточку, корягу или пенёк — в лесу не оставят. Смотришь, у одного из кусочка сосновой коры, берёсты и еловой шишки «Стиляга» вышел, у другого — пёсик лохматый из коряги. Третий так искусно обработал пенёк — вылитый леший! А уж про всякие вазы, карандашницы и говорить нечего. Сейчас они почти у каждого. Но больше всего ребят восхищают не сами вещицы. Уж очень интересно увидеть в лесу сучок и превратить его в красивую фигурку.

Вот они — знатоки сказки

КТО любит сказки? Кто по-настоящему их знает!

В «Искорке» № 8 был объявлен «Конкурс знатоков сказки». Пришли письма с ответами на три вопроса, и теперь мы готовы назвать имена тех, кто победил в этом «сказочном» конкурсе.

Вопросы были такие. 1. Какие сказочные сюжеты легли в основу музыкальных произведений? 2. К каким сказкам обращались художники и скульпторы, создавая свои картины, скульптуры? 3. Какие ты знаешь фильмы-сказки?

Выяснилось, что лучше всего ребята знают искусство кино. В своих ответах участники конкурса присылали по 50—70 названий фильмов. Неплохо знают ребята и музыку. Здесь наибольшее число названий опер, балетов, симфоний, музыкальных пьес — 73. А вот живопись, скульптуру наши юные читатели знают хуже. Некоторые из них смогли назвать лишь 3—4 произведения живописи, в основе которых сказочные сюжеты.

Кто же победил? Вот «Десятка лучших знатоков сказки». Саша Чаплицкий (7-б класс 296-й школы), Марина Фёдорова, Ира Прохоренкова (3-й класс, ст. Толмачёво), Миша Костоломов (45-я школа-интернат), Наташа Васильева (5-й класс, г. Гатчина), Таня Пяткина (343-я школа), Дима Вернер (3-г класс 516-й школы), Мария Клеванская (7-б класс), Ира Афанасьева (7-й класс, Ивангород), Олег Княжев (7-б класс 532-й школы).

Победителем конкурса жюри признало Сашу Чаплицкого, приславшего названия 40 опер, 33-х балетов, 33-х картин и 18 скульптур, 38 фильмов, в основу которых легли сюжеты сказок.

Всем «знатокам сказки» редакция высылает дипломы победителей.

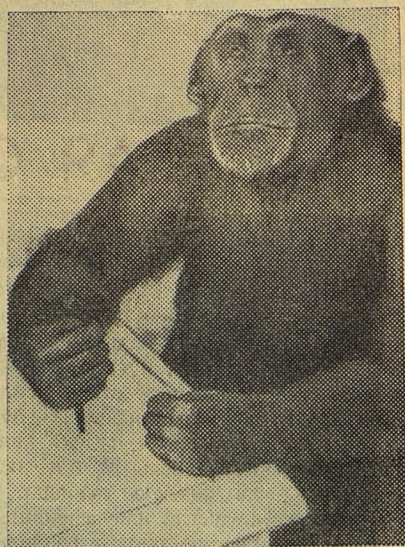

Будем знакомы!

**Я ВОЛНУЮСЬ: ПЕРВЫЙ РАЗ
О СЕБЕ ВЕДУ РАССКАЗ.**

Рассказ шимпанзе записал С. КОЛИН

Сфотографировал А. КОЛОСОВ

**Есть бумага, карандаш,
Начинаю репортаж.**

(Продолжение на 60-й странице)

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ПОДВОДЯТ ИТОГИ

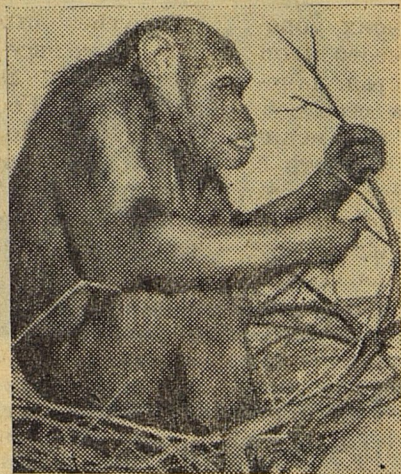
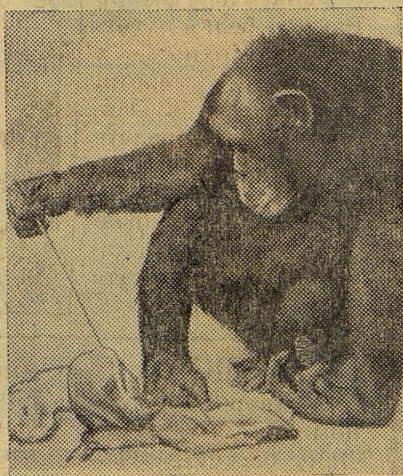
ОДИННАДЦАТЬ месяцев длился конкурс юных коллекционеров. И не удивительно: ведь он проходил в три тура. В феврале участники конкурса представили в редакцию журнала «Искорка» свои коллекции марок, открыток и значков, посвящённые нашей славной Советской Армии и Флоту. Спустя два месяца они принесли коллекции, рассказывающие о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. И в конце октября — коллекции «Ленинскому комсомолу 50».

Не все юные коллекционеры выдержали столь длинную дистанцию. К концу конкурса их стало меньше, но зато это были самые старательные и упорные. Тем приятнее нам назвать сейчас имена победителей.

Первую премию конкурса юных коллекционеров получил семиклассник 100-й школы Ленинграда Виктор Смирнов. О нём мы рассказывали в одиннадцатом номере нашего журнала. Две вторые премии получили Миша Школьник (5-й класс 67-й школы) и Серёжа Иоффе (5-й класс 117-й школы). Три третьи премии присуждены Лене Санельниковой (6-й класс 105-й школы), Андрею Бабиеву (4-й класс) и братьям Игорю и Саше Василевским (1-й и 5-й классы 536-й школы).

Ленинградское отделение Всесоюзного общества филателистов наградило победителей ценными подарками: редкими значками и наборами марок. Им также вручены дипломы редакции и памятные книги.

Редакция журнала «Искорка» приносит большую благодарность членам жюри: И. Д. Вавилову, Э. М. Аренину, Н. М. Богачёву и Я. М. Вовину за их помощь в организации и судействе конкурса.

Завтрак мне дают на блюде:
Ем культурно я, как люди.

Строю к лету дачный дом
С однокомнатным гнездом.

Мне портной совсем не нужен,
Я с иглой и с ниткой дружен.

(Окончание на 3-й странице обложки)

БЕЛЫЕ ТИГРЯТА

У обитательницы Делийского зоопарка (Индия) белой тигрицы Рани родились три малыша, таких же белых, как и их мамаша. Это уже третий выводок белых тигров Рани в зоопарке. Сама она родилась в 1958 году в неволе. Её отцом был первый пойманный белый тигр Радха, а матерью — обыкновенная тигрица.

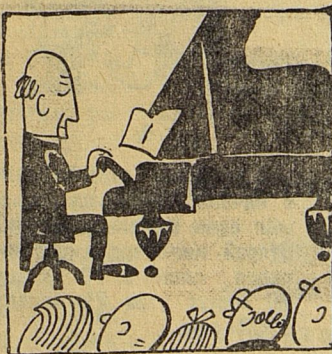
Одна из сестёр Рани — белая тигрица Мохини — в настоящее время содержится в Национальном зоопарке Вашингтона (США), а другая, тоже белая, в бывшем дворце махараджи в штате Мадхья Прадеш.

ГИНКГО

Во дворе одного из домов в Ростове-на-Дону растёт дерево, название которого — гинкго. Ботаники установили, что впервые на нашей планете гинкго появилось 350 миллионов лет назад, в Девонский период. Дерево является дальним родственником всем нам знакомых елей и сосен. Однако своим внешним видом гинкго ничем не напо-

«СОНАТА МОЛЧАНИЯ»

Американский композитор Джон Кейдж создал новое «музыкальное произведение» — «Сонату молчания». Исполнение сонаты заключается в том, что пианист три раза поднимает и опускает крышку рояля. Слушателям должно быть ясно, что сочинение состоит из трёх частей.

минает своих сородичей. Вместо хвои у него листья, напоминающие веер.

Многое изменилось на планете с тех далёких времён. Почти полностью вымерли и гинкговые деревья. Лишь незначительная их часть уцелела в Китае и Японии. Только в 1730 году гинкго вновь вернулось в Европу. Семена его завезли в Голландию. Отсюда оно позднее попало и

ПЛАКУЧАЯ...
ЕЛЬ!

Редкое явление природы — плакучая ель обнаружена в Гуляевском лесничестве Удмуртии. Ствол двадцатилетней красавицы унизан разбросанными ветвями, концы которых тонкими плёточками свисают вниз на метр-полтора. Зелёные иголки на них, в отличие от хвои обыкновенной ели, намного длиннее, но располагаются друг от друга значительно реже.

Специалисты сообщили, что дерево представляет редчайший гибрид. Это второй экземпляр плакучей ели, найденный на территории республики.

в другие страны.

Как же всё-таки это редкое дерево попало в Ростов? Дом № 8 по 21-й линии, во дворе которого растёт дерево, принадлежал известному садоводу-коллекционеру Чубарову. К нему гинкго и попало из Франции. Сейчас дереву более восьмидесяти лет, но можно считать его ещё молодым, так как гинкго живёт тысячу лет и более.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

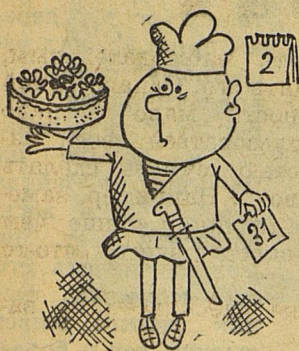
...самыми первыми встречают Новый год жители островов Фиджи, расположенных на 180-м градусе северной широты? Затем восходящее солнце Нового года приветствуют японцы.

...на бескрайних просторах нашей родины «начало» Нового года длится 10 часов? Именно столько времени нужно солнцу, чтобы пройти от Владивостока до Бреста — западной окраины нашей страны.

...если бы считать по мифическому летосчислению «от сотворения мира», то мы должны были бы сейчас поздравить друг друга с 7478 годом?

...если бы не производились поправки на «потери» календарных дней, то в 10565 году первый день весны совпал бы с Новым годом, то есть с 1 января?

...мореходы, совершающие в канун Нового года путешествие с острова Самоа в Австралию, остаются без праздника? Отправляясь в путь 31 декабря, они пересекают условную границу времени и попадают в Австралию уже 2 января.

...привычный нам старый дед-мороз не так уж стар? Родился он в первой половине XIX века! До этого он выглядел совсем не добрым.. В некоторых странах и поныне дед-мороз приходит на новогоднюю ёлку... с розгой.

...за 1900 лет, то есть с начала нашей эры, прошёл один миллиард минут? Второй миллиард минут начался лишь с 10 часов 40 минут утра 29 апреля 1902 года.

...лет 200 назад в Англии Новый год встречали 26 марта? Когда было объявлено о том, что Новый год переносится на 1 января, произошло немало курьёзов. Женщины, «постаревшие» сразу почти на три месяца, требовали «вернуть их юность», а рабочие отказывались работать, требуя от хозяев платы за три исчезнувших месяца. Правительству с трудом удалось навести порядок.

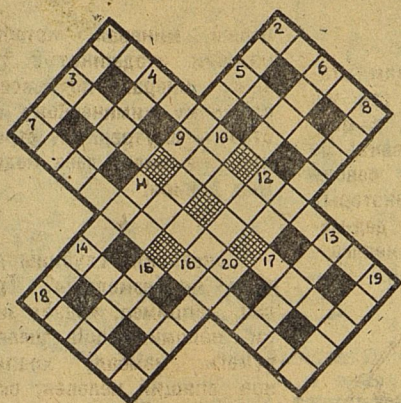
...геологи, при изучении Туркестано-Алтайской горной системы обнаружили

новый минерал, который назвали «таджикит»? Новый минерал по своему сложному химическому составу и внутреннему строению не имеет себе подобных в мире.

...океанские глубины далеко не безмолвны? Треска, например, издаёт звуки, напоминающие шелест бумаги, камбала храпит, как спящий человек, омары скрипят, словно двери на несмазанных петлях. Другие обитатели глубин свистят, плачут, ворчат, тяжело вздыхают. Вероятно, именно с помощью звуков рыбы соединяются в стаи, звуки служат сигналом тревоги и выполняют многие другие не известные пока науке функции.

...жиры можно получить из... соломы? Учёным Политехнического института в Гданьске (Польша) удалось получить питательные жиры из необычного материала — древесины и даже соломы. В технологическом процессе основную работу выполняют микроорганизмы, которые и превращают углеводы, имеющиеся в древесине и соломе, в жиры.

...учёные открыли в океане новый тип животных — погонофоры? Это удивительные существа: с кровью, но без пищеварительных органов. Тонкие длинные щупальца захватывают пищу и тут же переваривают её, посылая в кровь необходимые продукты питания. Из-за этих щупалец, похожих на бороду, они и получили свое название: бородатые погонофоры.

ЧТО ПЕРЕД ВАМИ?..

1. Пилот. 2. Пост. 3. Волк. 4. Огород. 5. Корм. 6. Крот. 7. Палата.

Вычеркните в каждом слове одну букву, но так, чтобы получались соответственно новые слова. А вычеркиваемые буквы выпишите по порядку... Что у вас получилось?

ЗАДАЧА СЛОГОВ

Заменить чёрточки слогами, заканчивающимися предыдущее слово и начинающимися следующее за ним:

ГИНК—МОН—ТЕР—ДАЛЬ

ХИТРЫЙ РЕБУС

Составил Андрей КУЗНЕЦОВ

В этом маленьком ребусе зашифровано всего одно слово...

Нужно быть наблюдательным, чтобы разгадать его. Однако одной наблюдательности мало — надо суметь воспользоваться своей наблюдательностью, суметь сделать должный вывод... Например, заметили, что где-то линии толще, чем везде, — значит, здесь что-то кроется...

Так что же здесь всё-таки зашифровано?

МЕТАГРАММА

С буквой В — помеха в поле,
С буквой Ш — мешает в школе.

Проверь себя

(Ответы н «Искорке» № 10 и 11)

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Слог. 6. Этаж.
7. Актёр. 8. Рок. 10. «Ася».
12. Акр. 14. Зебу. 15. Инки (инка).
16. Туф. 18. Дог. 20. Бон. 22. Оло-
во. 23. След. 24. Рысь.

По вертикали. 1. Блок. 2. «Ба-
ня». 4. Гак. 5. Стек. 6. Эра. 9. Озе-
ро. 11. Сукно. 12. Аут. 13. Риф.
17. Узор. 18. Долг. 19. Год. 20. Бор.
21. Наст.

РЕБУС

Дома и стены помогают.

МОРСКАЯ ЗАДАЧА

Шкот, штаг, штиль, шканцы,
швербот.

ШАРАДА

Вол+га=Волга.

С ПОМОЩЬЮ ЗЕРКАЛА

«Эхо», «век», «кокон».

КРОССВОРД

Слева направо сверху вниз. 1. Ти-
тан. 2. Нерпа. 3. Вратарь. 4. Акт.
6. Октет. 10. Спуск. 11. Саванна.
14. Гамма. 15. Атлас. 16. Дог.

Слева направо снизу вверх.
5. Жим. 7. Опера. 8. Атака. 9. Эк-
замен. 12. Апорт. 13. Напев.
17. Роман. 18. «Анчар». 19. Аме-
тист. 20. Бал.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Знание — сила.

ПОИЩИТЕ СЛОВО

Фальшь.

ТРЕУГОЛЬНИКИ И ТРАПЕЦИИ

На рисунке 35 треугольников и
90 трапеций.

Содержание

Таинственный час. Стихотво- рение Н. Слепаковой . . .	1
Мотоциклет. Рассказ Леонтия Раковского . . .	3
Стихи про доктора наук. Сти- хотворение В. Шульжика .	14
Чудеса без решета. Оконча- ние пьесы Юрия Томина .	15
Мечта. В музее. Стихи Кур- банназара Эзизова . . .	31
По следу пропавших шедев- ров. Очерк Геннадия Пет- рова	32
Подснежники. Окончание по- вести А. Власова и А. Мло- дика	41
Самое, самое, самое	57
Лыжня. Стихотворение Ми- хаила Головенчица . . .	58
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рису-
нок художника Ю. Шабанова «С
Новым годом!»

На 2-й странице обложки фото-
репортаж «Лесная скульптура».

На 4-й странице обложки рису-
нок-загадка художника Ю. Бочка-
рёва «Скатерть бела весь свет
одела».

Редактор В. Л. БИАНКИ

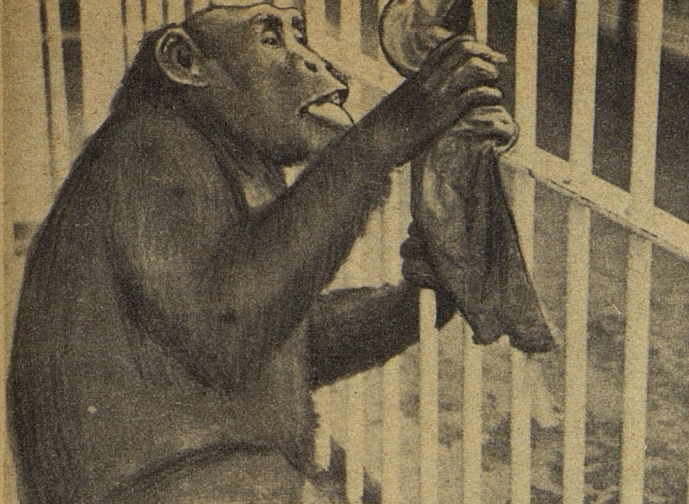
Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 24/X 1968 г.

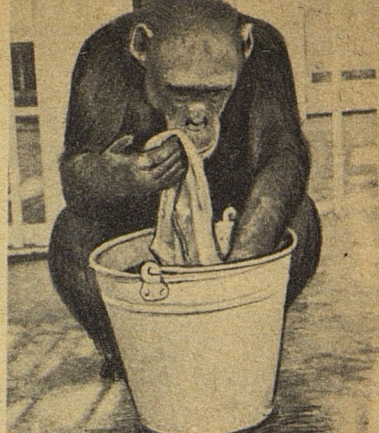
Подписано к печати 20/XII 1968 г. 4 печ. л.

М-24438 Заказ № 1609. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 67 700 экз.

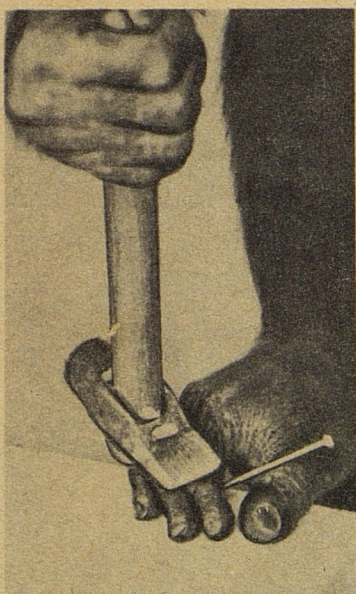
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ЕЖЕДНЕВНО ПОУТРУ
МОКРОЙ ТРЯПКОЙ КЛЕТКУ ТРУ.

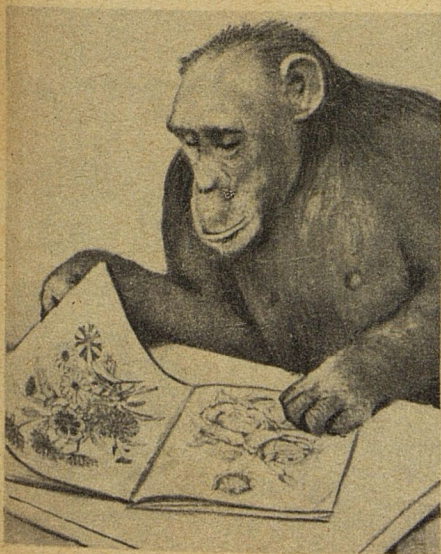
НЕ МУЖСКОЕ ДЕЛО СТИРКА?
ЧТО ЗА ГЛУПАЯ ПРИДИРКА!

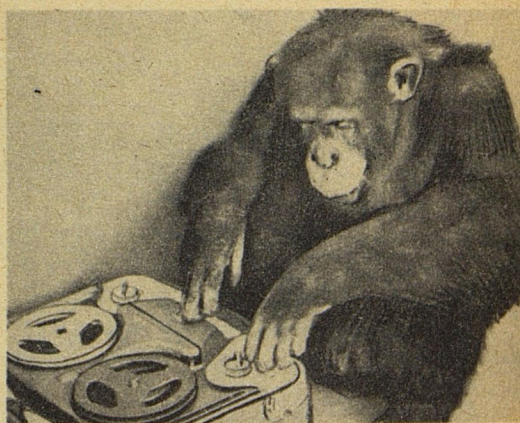
ГВОЗДЬ
ВБИВАЮ.
СИЛЬНЫЙ
ВЗМАХ...
МОЛОТКОМ
ПО ПАЛЬЦАМ —
ТРАХ!

ЗАЛОЖИЛО ЧТО-ТО НОС...
НА ДВОРЕ, ПОДИ, МОРОЗ?

НЕ МОГУ ПРОЧЕСТЬ НИ СТРОЧКИ,
НО СМОТРЕТЬ ЛЮБЛЮ ЦВЕТОЧКИ.

ОБОЖАЮ ШУМ И ЗВОН...
ЗАВЕДУ МАГНИТОФОН!

цена 10 коп.